

Яна Розова

Скелет в шкафу художника

Яна Розова

Скелет в шкафу художника

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8132563

Скелет в шкафу художника: Повесть: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 5-699-07008-7

Аннотация

У Вари чудесная жизнь: она богата, молода, имеет море поклонников, а ее муж Тимур Багров постепенно становится модным художником. Но, странное дело, внезапно с Варей начинают происходить страшные вещи: четыре раза на нее совершаются покушения, и чудом ей удается избежать смерти. Все вокруг считают, что это попытки самоубийства, и находят для этого различные причины, но сама Варя твердо знает: умирать ей рановато! Жена художника пытается разобраться, кому не дает покоя само ее существование на этом свете, и обнаруживает в своем семейном шкафу несколько замшелых скелетов. Варя кажется, что она вот-вот выйдет на злоумышленника, но каждая новая версия приводит в тупик. И когда наконец выход из лабиринта начинает виднеться, вокруг Вари и Тимура затягивается смертельная петля...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	61
Глава 10	69
Глава 11	75
Глава 12	79
Глава 13	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Яна Розова

Скелет в шкафу художника

© ООО «Издательство «Эксмо», 2004

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Иногда мне кажется, что меня просто нет. Это странно даже для меня самой, но когда мне говорят, что я красавица, – я становлюсь красавицей, когда пытаются оскорбить и говорят, что я дура, – становлюсь душой, а если вдруг назовут шлюхой...

Во всяком случае, я стала именно ею, услышав материнское напутствие моей свекрови своему сыну:

– Зря ты женился на ней, она гулять будет!

Почему она сделала такое заключение, неизвестно. Однако я совсем не обиделась на нее. Как-то просто не почувствовала никаких негативных эмоций по отношению к этой чужой женщине. Она приехала погостить к сыну из глухой деревни, и, может, в глубинке у них так принято? В конце концов, кто любит невесток?!

А жизнь у нее была нелегкая, и всю ее, без остатка, она посвятила сыну. Мужа не было, помощи ждать неоткуда. Зара Габбасовна слабо представляла себе, чем в городе занимается ее Тимур, но пахала долгие годы в колхозе, откармливала в домашнем хозяйстве бычков, ездила торговать мясом на рынок, держала корову, продавала молоко и делала еще очень много, чтобы мальчик ни в чем не нуждался. Она любила его, как мать любит сына, ничего не требуя и ни о чем не спрашивая.

А я обиделась на Тимура, который не сказал ни слова в мою защиту. Почему? Уж кому, как не ему, знать, каков на самом деле мой моральный облик!

Мы с Тимуром Багровым встречались недолго, а мне уже было двадцать пять, и он стал моим первым мужчиной. Я никогда раньше не занималась любовью, потому что все вокруг твердили, что я порядочная девушка, а кое-кто из знакомых даже намекал, что слишком порядочная и это может закончиться печально. Люди так говорили обо мне, и я соответствовала их словам. Порядочные девушки блюдут свою девичью честь до замужества, я и блюла, простите за выражение!

Тимур появился в моей жизни как-то очень органично. Просто пришел и сказал, что влюблен, что не о чем думать, а надо быстрее пожениться.

– С чего это вдруг? – поинтересовалась я иронично. – Не хочу замуж, да еще и за тебя!

– Маленькая, – ответил он фамильярно, – славяночка моя! Мы, ордынцы, таких, как ты, еще семьсот лет назад угоняли и насиловали. Так что я предлагаю тебе даже вполне цивилизованный вариант. Но если не хочешь по-хорошему – утащу на аркане!

Я рассмеялась, таких предложений еще слышать не приходилось. Вообще-то мне всегда нравились красавчики среди парней, а Багров под это определение не подходил никак. Его лицо было слеплено слегка грубовато, топорно, да еще

и эти чужеродные раскосые глаза! Сам он был худой, жилистый, с руками, скорее, ремесленника, чем человека искусства. Кроме того, Тимур был ужасающе кривоног. Когда он ставил ноги пятками вместе, между коленями запросто пролетал футбольный мяч!

– Ничего подобного, – возражал Багров в ответ на мои подколы, – это у меня национальная особенность такая – кривизна моих ног соответствует выпуклости лошадиных боков. Я же кочевник!

Вот что было красивого в Тимуре, так это его волосы. Длинные, густые, цвета воронова крыла, выющиеся пряди рассыпались по широким смуглым плечам, и мне безумно нравилось небрежное и свободное движение его левой руки с серебряным браслетом, цепочкой на запястье, которым Тимур откидывал шелковый водопад волос.

Мы были женаты уже года три, когда случился тот памятный скандал.

В первый раз все получилось само собой, в порыве. Я хотела отомстить всем вокруг, сделав хуже самой себе. Вот, посмотрите, что вы со мной сделали!

После того как свекровь, Зара Габбасовна, ушла из нашей квартиры, я разоралась не на шутку. Будучи молодой наивной дурочкой, требовала, чтобы свекровь извинилась передо мной за оскорбление. Обозлившийся Тимур сказал, что она меня не оскорбляла, и вообще, его мама никогда не ошибается. Что же! Я решила доказать, что это действительно так.

Оделась и выскочила на улицу. Как-то так расположились на небе звезды в тот вечер, что все благоприятствовало моему самоубийственному плану. Я часто думаю, что все, буквально все могло быть по-другому, если бы судьба не захотела испытать меня. Но все шло как по маслу. Я вошла в первый попавшийся бар, уселась за стойку и, еще кипя злостью, ответила «да» на первое же неприличное предложение. Все прошло сносно, партнер не обидел меня, хоть и никакой радости от измены на почве мести я и не получила. А говорят еще, что месть – это такое блюдо, которое надо есть горячим! Ерунда, теперь я знала это на собственном, пусть и не печальном, опыте. Вообще-то лучше бы мне тогда влипнуть во что-нибудь неприятное, поучительное, но крайних последствий!

Поздно ночью я вернулась домой. Тимур не спал. Он сидел в своей студии, в то время его студией была одна из комнат квартиры, пил кофе, курил любимые болгарские сигареты «БТ», слушал «Арию» и поджидал меня.

Я вошла к нему, обессиленно упала в кресло и, откинувшись на мягкую спинку, стала ждать наводящих вопросов. Мне было почти все равно сейчас, что говорить. Я была готова солгать, если он захочет этого, если он скажет, что виноват и пусть все будет по-прежнему. Словом, опять был выбор и опять, по воле случая, которому я безропотно подчинялась каждый раз, у Тимура было упрямое настроение. Он не собирался идти ни на какой компромисс.

– Где ты была? – по его тону это сразу стало понятно.

– Подтверждала слова твоей матушки, – ответила я, еще не открывая глаз и ведя перестрелку вслепую, ориентируясь только на слух.

– У тебя есть любовник?

– Сегодня появился.

– Кто он?

– Кто-то.

Сильные руки приподняли меня над креслом, встряхнули в воздухе и снова швырнули на место.

– Ты трахалась с ним?

Я увидела узкие злые глаза Тимура, в которых отражалась одна маленькая грязная шлюшка. Теперь это я.

Его дивные черные кудри рассыпались по плечам. Крупные кольца подчеркивали аскетичность узкого лица с высокими татарскими скулами и широким ртом. Углы губ Тимура брезгливо опустились. Он ненавидел меня. Я была омерзительна ему. Я была отвратительна себе. Такой и осталась на долгие несколько лет.

В ту ночь я впервые рассказала мужу все. Теперь это вошло в привычку, но мой первый рассказ был тошнотворно откровенен. Я выдала каждую деталь: слова, поцелуи, запахи, движения, ощущения.

– Будь ты проклята, шлюха! – сказал муж, услышав все это.

– Ладно, – ответила я. – Давай разведемся!

Он отвернулся от меня, прикурил новую сигарету от докуренной до фильтра предыдущей и разъяснил мне кое-что, чего в расчет я никогда раньше не принимала:

– Ты же понимаешь, что я не могу! Мне надо писать, работать каждый день. Ты же понимаешь, что иначе я не выживу. Сейчас у меня нет денег даже на еду, а мне надо покупать краски, кисти, багеты и прочее. Мне надо одеваться, в конце концов. Но у меня нет ни гроша! То есть как только я разведусь с тобой, то не буду иметь ни гроша. А через неделю мне надо в Питер, там хотят посмотреть несколько моих работ. Мне нужны деньги на поездку.

– Ты говоришь сейчас о брачном контракте, который составил мой отец, что ли? – поздновато дошло до меня.

– А о чем же еще? Это твой папенька учудил: кто затевает развод, тот остается без денег. Ты можешь перетрахать весь Гродин, но я с тобой не разведусь! Если хочешь, подай на развод сама. Тогда я буду просто счастлив: без тебя, суки, и с деньгами!

– Так ты женился на мне из-за денег? А твоя мамаша не знает этого?

– Моя мама – святая. Я не могу рассказать ей правду, она будет просто убита. А ты, шалава, рано или поздно сдохнешь от СПИДа, и тогда я буду свободен.

– И богат!

– И богат, и знаменит, и счастлив! Все равно дождусь этого.

Глава 2

И вот уже пару лет я жила совсем другой жизнью. Главная моя забота была теперь – это чтобы Тимур знал, с кем, чем и как именно я занималась. Как бы ни был хорош мужчина, как бы все замечательно ни складывалось между нами, но если он никак не связан с моим мужем, я никогда не оказываюсь с ним в постели. Другое дело, если он знаком с Тимуром, если он, скажем, критик, организатор экспозиции, владелец художественного салона или тоже художник! Я буду не я, если ему будет нечего вспомнить в связи с фамилией моего благоверного. Увидев подпись под картиной «Багров», он обязательно скажет:

– А не с его ли женой я...

И чем грязнее будет его воспоминание, тем лучше выполнена моя работа. Возвращаясь после очередного подвига, я приходила в студию Тимура и рассказывала ему о новом своем походе. Обычно он говорил сквозь зубы что-то вроде:

– Шлюха проклятая!

И я удалялась с чувством гадостного удовлетворения, какое бывает после того, как раздавишь таракана на кухне. Помню, как сначала, раньше, плакала от слов Тимура, надеясь слезами смыть вонючую слизь разврата. Но чего же я хотела?! Наверное, хотела, чтобы он сказал лишь один раз:

«Прекрати!» – и я бы прекратила. Помню, что иногда этот образ жизни становился буквально невыносим. Постепенно, однако, ко всему привыкаешь! Я стала разборчивее в мужчинах, опытнее, стала лучше понимать, как извлечь из отвлечения удовольствие, и иногда оставалась вполне довольна приключением. И вообще, стала относиться ко всему легко, с улыбочкой. Ничто не заслуживает серьезного отношения в жизни. Буквально – ничто!

Пару раз я ходила по краю пропасти, на грани срыва, когда духовная пустота могла реально заманить меня в ловушку настоящих чувств. С этим бороться было труднее всего. Но я придумала правило как раз для таких случаев: чем лучше мужчина, тем меньше я с ним встречаюсь. С самыми лучшими – однажды, с отстойными кретинами – раз десять, не меньше. Часто Тимур, до которого к третьему-пятому свиданию уже доходила полная информация обо мне и моем новом любовнике, высказывался, скрывая язвительностью горечь:

– Это убоище в твоём вкусе? Так и знал! Чертова проститутка!

– Подай на развод, – советовала я.

Но он не собирался разводиться. Более того, мы иногда спали в одной спальне. Это тоже было условием нашего безбедного существования.

Мой отец – довольно богатый человек. Он разбогател не так давно, хотя занимался бизнесом уже лет пятнадцать.

Сначала основал в Гродине рекламное агентство «Эврика» и получил через несколько лет довольно приличное дело, приносящее стабильный доход. Потом он начал заниматься промышленными выставками в Москве вместе со своим компаньоном – Черкасовым Николаем Ильичом. Вместе они сумели добиться очень многого, и недавно отец открыл собственный выставочный комплекс в Москве.

Но мало того, кроме бизнеса, у отца была еще весьма крупная сумма денег. Это был неприкосновенный фонд, который хранился в швейцарском банке, регулярно принося проценты, на которые мы с Тимуром, собственно, и жили. По условиям брачного контракта, изобретенного действительно моим папашей, ни я, ни Тимур не имели права изъять свои денежки из банка по отдельности. Только вместе и только в случае особых обстоятельств, перечню которых в брачном договоре посвящалась отдельная глава. И спать мы должны были вместе. Но тут нас никто неволить не смог бы все равно! Ну кто проверит, спим мы вместе или нет?

Папе казалось, что он нашел способ зацементировать навечно мое замужество и тем самым гарантировать мне счастливую семейную жизнь. Он был удивительный человек и ужасный оптимист, мой родной папа! Он искренне верил в единственную любовь и полагал расставание с любимыми самым огромным из возможных несчастий. Поэтому жемчужиной брачного соглашения стал упомянутый Тимуром пункт договора, по которому инициатор развода теряет все

деньги. Папа доверял мне, полагая, что его доченька не может влюбиться в негодяя. Другое дело, что его адвокат, по видимому, был либо дурак, либо растяпа и не подсказал своему клиенту явную возможность ловушки для Вари. В любом случае контракт существовал и мы с мужем соблюдали его условия. Как могли...

Мне очень не хотелось разочаровывать папу сообщением о крахе его иллюзий. Мы и так не слишком давно обрели друг друга. Поэтому, когда папа приезжал в Гродин или мы с мужем бывали в Москве, приходилось делить ложе друг с другом.

Тимур тоже прилично изменился за время моих походов. Только, в отличие от своей жены, – к лучшему. Постепенно он становился модным художником. Ему почти удалось пробиться здесь, в провинции, среди местных гениев, своими силами и своим трудом. Не хватало только постоянной экспозиции в центральном выставочном центре и поддержки местных художественных зубров. Для достижения этих целей Тимур у меня опять мог пригодиться мой папа.

Вообще-то в Гродине больше не было художников-концептуалистов, кроме Тимура Багрова. И он был талантлив, это правда.

Тимур, от бога, был отличным рисовальщиком. В годы учебы в Гродинском художественном училище Багров частенько сиживал в выходные дни в местах народных гуляний и рисовал за десятку всем желающим карандашные портре-

ты на листе ватмана. Маленький, но стабильный заработок для студента. Обычно такие портреты имеют весьма отдаленное сходство с оригиналом, но Тимур добивался почти фотографического качества. Его пейзажи, сделанные в ту же пору, были удивительны! В них жила душа, они словно бы дышали. На его холстах шумели деревья, текли реки, сияло чистое небо, проливались весенние дожди. Единственно, чего не было в творчестве Багрова в тот период, по мнению критиков и коллег, так это особого стиля, самовыражения, личностного взгляда. Не было в его работах только его самого. Он думал так же, коря себя за недостаток оригинальной идеи, своего видения, концепции.

В его мастерской, представляющей теперь просто однокомнатную квартиру, в прихожей висели работы прошлых лет. Я часто останавливалась возле них, любуясь и вспоминая лучшее время своей жизни.

Среди старых рисунков был и мой собственный портрет, сделанный тоже карандашом. Будь моя воля, я бы смотрелась в него как в зеркало всю оставшуюся жизнь, так он мне нравился. На рисунке была я, но я лучшая, я светлая, я такая, какой могла бы быть...

Через год после нашего брака Тимур Багров положил начало созданию серии картин «Лабиринты природы». В серию входили работы, объединенные единой мыслью, той самой концепцией, которая долго не давалась художнику. Это стало прорывом, выигрышной картой и счастливым билетом

Тимура.

Как ни странно, мы, несмотря на патологическую ситуацию в личных отношениях, жили вполне дружно. Во всяком случае тогда, когда дело не касалось моей сексуальной деятельности. Мы часто говорили с мужем о его творчестве. Это стало традицией, привычкой, единственным, действительно, общим между нами. Он нуждался в поддержке, как все люди искусства, был раним, часто терял ориентиры в жизни и своей работе. Я же любила то, чем он занимается, почти так, как он сам, и верила в художника Багрова больше, чем в закон перспективы. Я давала ему необходимую поддержку и сама чувствовала себя сильнее от одной мысли, что могу кому-то служить опорой.

Только с первой настоящей работой Тимура, с картиной из «Лабиринтов», все пошло иначе. Багров не делился со мной замыслами, а просто я однажды увидела готовую вещь, самую первую из серии. Это был «Малахит».

Я появилась в мастерской мужа, только что встав из постели другого живописца. У меня в тот день были пепельные волосы, голубые глаза и одета я была так, будто сошла с полотна того самого художника, Вениамина Стеклова: розовый шифон и коричневый бархат. Тимур уже знал, с кем я встречаюсь, и только брезгливо сторонился меня. Это было хорошо, просто отлично, потому что означало, что недаром я терпела дыхание, воняющее сивушным перегаром, потное сопение импотента, сальные простыни, весь вид жилища, больше

похожего на притон.

Мне даже пришлось вступить в разборки с бывшей пассией Стеклова. Это было омерзительно до совершенства омерзительности. До сих пор вспоминаю ее глаза побитой собаки, когда она налетела на мою хлесткую пощечину! Бедная алкоголичка жалко упала, ударившись головой о журнальный столик, накрытый газетой с остатками закуски и пустой водочной тарой. Соперница убралась восвояси, а мне пришлось изнасиловать себя победой.

После схватки со спившейся женщиной я решила больше не видеть Стеклова. Не могу! Это слишком даже для меня.

Я вошла в мастерскую, с наслаждением вдыхая устоявшийся здесь запах. Определить его составляющие я бы не смогла, но все вместе – это был Тимур! Сам он стоял возле мольберта, но не работал, а просто смотрел. Мольберт был развернут к окну, расположенному напротив входа в комнату. Я видела лицо Тимура, но не видела холст, который он разглядывал.

Лицо мужа, его особое выражение удовольствия и вины, привлекло мой интерес. Понемногу забывая о событиях этой ночи, я обошла мольберт и, увидев то, на что смотрел Тимур, громко ахнула.

– Тимур, это ты?..

– Да, – я слышала смущение в его голосе, он отводил глаза, теребя пальцами черное блестящее кольцо волос на виске.

– Ты гений... – я шурилась на полотно, изображавшее

срез зеленого камня. Оно сверкало и переливалось разными оттенками зеленого, темные прожилки располагались так, что образовывали своим рисунком лабиринт. Я невольно стала плутать взглядом по малахитовым дорожкам.

– А выход есть? – спросила я, натыкаясь на пятый тупик.

– Да, всегда есть выход, в этом смысл лабиринта.

– Тимур, это... Это прекрасно!

Я повернулась к нему, забыв про все остальное в жизни. Я видела, что произошло чудо: Тимур создал свой первый шедевр. Подобно средневековому подмастерью, сделав такую работу, он может претендовать на звание мастера!

– Правда? – спросил он с надеждой, чуть улыбаясь.

– Да! – ответила я и в приступе щенячьего восторга сделала большую глупость, попытавшись обнять мужа. Он шахрахнулся от меня, как от прокаженной. Я пришла в себя и скрыла боль смехом.

– Прости, прости, забыла! – Я отошла в другой конец комнаты. – Этот алкаш, Стеклов, просто пропитал меня своими запахами! Знаешь, а мне пришлось сразиться за место в его постели с прежней возлюбленной...

– Может, хватит этих подробностей? Иди вымойся! Девка!

– Разведись со мной! Хватит!

– Да тебя убить мало, шлюха!

– Ты и на это не способен, тряпка!

А в это время от холста на мольберте исходило нежно-зе-

ленное свечение...

Глава 3

Я открыла глаза. Рядом со мной на широкой постели с черным бельем и спинкой из переплетенных стальных прутьев лежал красивый мужик, чье имя не имело никакого значения, так как это был близкий друг Тимура по художественному училищу, недавно приехавший из-за границы. Он спал.

Тимур не знакомил нас, его друг не был в нашем доме. Они вообще еще не встречались! Я сама выследила мужчину в баре гостиницы «Постоялый двор», самом шикарном заведении Гродина в этом году.

О приезде однокашника мужа я узнала из сообщения, оставленного «американцем» на нашем автоответчике. Видимо, телефон художника Багрова Кирин выяснил в справочном бюро. Я прослушала сообщение раньше Тимура и уничтожила его. А чтобы опознать клиента в лицо, откопала юношеские фото мужа в альбоме, сделанном к выпуску студентов училища, нашла Виталия Кирина, постаравшись запомнить его лицо. В баре еще уточнила у знакомой проститутки: тот ли это американец, которого я ищу, – и она подтвердила: да. Я бросилась в атаку, и уже через час мы упали на кровать в номере «люкс» «Постоялого двора». Эта кровать мне была уже знакома.

С первого взгляда было ясно, что Кирин – тот самый случай, когда встреча будет только одна. Витус мог запросто све-

сти с ума любую телку. Я тоже рисковала крупно влипнуть. Дело было не в сексе, нет, просто он вкладывал в обычный половой акт больше нежности, чем это предполагалось ситуацией. Я ведь была для него всего-навсего подружкой на ночь, а он целовал мне пальцы на ногах и слизывал вино с моей груди так, что я забыла на миг свою неизменную миссию: растлевать все вокруг себя, сеять разрушение, оставлять осклизлые пятна плесени...

Назвав Витуса «красивым мужиком», я имела в виду в общем-то не внешние данные. У меня особое отношение к красоте. Красиво – это внутреннее содержание объекта. Красиво – это особая наполненность простой формы. Говоря языком метафор, для меня красивый бокал не может быть пустым. И говоря о бокале «красивый», я буду иметь в виду прекрасный вкус шампанского, дарящий легкий и веселый хмель. Вот Витус был, как бокал шампанского, который хочется выпить. После таких встреч труднее всего. Очень трудно извлекать в дерьме воспоминания о нежности и сладких губах прекрасного, в моем понимании, мужчины!

Ну, достаточно, пора уходить. Все было отлично, спасибо.

Однако, как только я встала, Витус обернулся и спросил с милой улыбкой, обещавшей больше, чем я смогу вынести:

– Уже уходишь?

– Мне пора, муж ждет.

– Кто у нас муж? – с любопытством спросил он, вальяжно переворачиваясь на спину, как сытый кот.

– Художник.

Это была удочка. Кирин должен знать, кого он оттрахал, иначе все коню под хвост!

– И как его зовут?

– Тимур Багров, – мстительно вlepила я. Хочешь помучиться? А ведь ты будешь мучиться, ты именно такой!

– Что?! Ты – жена Багрова?

Он сел на постели и даже сделал непроизвольный жест, пытаясь прикрыть свои чресла. Ага, ты относишься к женам друзей, как к музейным экспонатам. То, что с удовольствием вытворял минут сорок назад, теперь кажется тебе преступлением.

– Да, – сказала я, улыбаясь самой гадкой улыбкой из своего арсенала. – Я жена Багрова, а ты – его друг.

– Ты знала? Я думал, ты – проститутка...

– Повезло бы той проститутке! Но я намного хуже, я – шлюха!

У Витуса вытянулось лицо. Он был ошарашен. Я торжествовала, упиваясь отличной работой и легкой, приятной, чуть горьковатой болью, которая поселилась в моей душе. Чудесно, Тимурчик и Витус уже не смогут быть близки, как прежде. Даже если Витус покается и скажет Багрову, что переспал с его женой, все равно былой откровенности между ними не будет! Тимур не признается, что терпит блудливую жену из-за ее денег. Да Витус, со своей чистотой и высокой нравственностью, в обморок ляпнется, вообразив ситуацию,

в которой Багров живет последние годы.

Уходя, я даже не обернулась: что еще можно тут сказать?

А бывали моменты еще большего триумфа для меня. Вот, например, Станислав. Это был хозяин крупной фирмы, торгующей в Гродине и близлежащих местечках бытовой техникой. Он сделал шикарный ремонт в своем офисе и решил украсить его живописными полотнами. В качестве ремесленника на заказ он выбрал Тимура, который всегда был рад халтурке.

Я появилась в офисе Станислава якобы по просьбе Тимура. Он встретил меня приветливо, но все поглядывал на часы, пока я не разделась у него в кабинете. Мысль о быстром перепахоне на своем рабочем столе возбудила его. Сидя на подоконнике в студии Тимура и разглядывая первые три готовые картины для офиса Станислава, я выложила мужу, в какой именно позе его заказчик кончил.

Все было бы чудесно, но Станислав оказался мне под стать и, вручив Тимуру деньги после выполнения заказа, положил сверху еще сто долларов, сказав удивленному Багрову, что это за секс с его женой, классной б... Вообще-то, когда Тимур вернулся домой с выразительным синяком под глазом, я решила, что миссия выполнена очень удачно. Татарская кровь взыграла в жилах Багрова, и он вlepил Станиславу затрещину, которая была ему возвращена усилиями охранников офиса. Может, он действительно решит развестись, если будет еще и по морде получать после каждого из моих по-

ДВИГОВ?

Глава 4

Вернувшись домой после свидания с прекрасным Витусом, я приняла ванну и собралась сварить себе кофе. Мне показалось, что перед уходом я закрыла балконную дверь, но сейчас она была чуть приоткрыта. Странно. Но ничего! Мы живем на шестом этаже, и балконы у нас в доме расположены в шахматном порядке, поэтому перелезть от соседей к нам невозможно.

А может, это папа открыл? Он, кажется, приезжал. Я прошла по квартире, в комнате для гостей горел свет, но было тихо. Я решила отложить приветственный визит – на душе было мерзко, как всегда, после свидания. Я вернулась на кухню.

Наша квартира представляет собой яркий пример папиного безвкусия и моего наплевательства. Тимура можно не учитывать – он никогда ничего не соображал в красивой жизни по причине своего плебейского происхождения.

После маминой смерти папа купил мне однокомнатную квартиру, хотя у меня был мамин дом, и меня он устраивал. Домишко так себе, даже без туалета. Такие дома риэлторы игриво называют «с частичными удобствами». Папа сказал, что когда-нибудь откроет в нем дом-музей, посвященный маме. Это было бы и мне по душе.

Потом я вышла замуж за художника, и он загромоздил

своими подрамниками, холстами, этюдами одну-единственную комнату. Меня и это устраивало. Мне нравилось валяться в постели и смотреть, как Тимур работает, но папа счел своим долгом создать нам больше жизненного пространства. Для этого он купил трехкомнатную квартиру по соседству и соединил ее с нашей однокомнатной. Потом занялся ремонтом, отправив нас с Тимуром в дом отдыха. Вернувшись в свою новую шикарную квартиру, я просто заплакала. Ну как жить среди стен, похожих на ледяные глыбы и айсберги? Комнат, в сущности, теперь не было вообще! Был белый лабиринт: белые загородки, стенами этого не назовешь, делили общую площадь на закутки и коридорчики. В одном стояла белая кровать, в другом – мольберт Тимура, в третьем – белый диван и телевизор. На окнах – жалюзи, на полу – ковер синий с белым. В квартире было два входа, но, чтобы не путаться в ключах, мы наглухо заперли один. Единственно умной вещью в белом лабиринте была гардеробная комната. Она располагалась рядом со входом, и все барахло было свалено именно там. Я пыталась наводить порядок в гардеробной раза два-три в месяц, но потом сама же все и захламляла, раздеваясь и разуваясь на ходу и бросая все вещи там, где они упали. В остальном же квартира была крайне неудобная. Нормальным помещением осталась только белая кухня, отделанная по последнему слову кухонной техники со всеми возможными приамбасами.

Там я обычно проводила свои одинокие вечера.

Сварив себе кофе, я улыбнулась, вспомнив, как пьет кофе Тимур. Кочевник брал кружку, похожую больше на тазик, высыпал в нее половину банки с дешевым растворимым кофе и заливал кипятком. Бурду эту он растягивал на целый день. К вечеру черная изнутри емкость украшала собой стол в его студии. Сколько я ни пыталась приучить его к благам цивилизации – все напрасно. Даже кофеварку ему купила, но...

Я поискала на кухне сигареты и зажигалку и, не найдя ее нигде поблизости, пошла поискать в сумке, висящей в прихожей. Не нашла, пришлось идти в спальню. Мне все мерещились какие-то звуки в квартире, но, похоже, просто разболтались нервы. К тому же папа дома! Я закурила, налила себе кофе, расслабилась, постаравшись забыть сегодняшний день. Подумала, что, докурив, надо не забыть проветрить. Отнесла окурки в туалет и спустила в унитаз. Вымыла чашку из-под кофе. Когда супруг вернется из своей студии, он не найдет ни одного следа преступления.

Перед Тимуром я всегда изображаю идиотку, помешанную на своем здоровье. Никогда при нем не курю, не пью кофе, не употребляю алкоголя, не принимаю наркотиков. Питаюсь правильно и делаю вид, что занимаюсь спортом. Ну, немного занимаюсь, конечно: только для того чтобы уметь постоять за себя. При моем образе жизни это нелишнее. Меня уже пару раз пытались изнасиловать, но не на ту нарвались! Личный тренер по борьбе – это серьезная поддержка

для женщины, имеющей всего пятьдесят килограммов живого веса. Кстати, с ним я не сплю. Потому что Тимур незнаком с моим тренером по борьбе.

Да, а мужу я пускаю пыль в глаза, чтобы он не надеялся, что я и впрямь скоро помру. Вот уж нет! И регулярно вру ему, что только получила свежий отрицательный анализ на СПИД, а также на сифилис, гонореею – и что там еще бывает у таких, как я! На самом деле меня беспокоит опасность заразиться, и я очень серьезно отношусь к вопросу предохранения, но анализы каждый месяц все же не сдаю.

Меня вдруг стало клонить в сон. Прямо здесь, в кухне. Я хотела встать, но конечности подло подогнулись, и я упала на пол. Заснула я еще до того, как мое усталое тело коснулось прохладной синей напольной плитки.

Потом начались видения. Все они были пропитаны удивительно гадким запахом. Как-то не могла разобрать, что же на самом деле напоминает этот запах? Вроде бы что-то техническое, но нет, скорее...

В видениях было много мужчин. Все они смешивались в одно смуглое тело с одуряющей родинкой на талии, слева от пупка, а потом распадались на разные. Смысл этого был в том, что, видя одно тело, я видела совершенство, идеальный образ мужчины, который был мне нужен, как хлеб, и были все остальные, бессмысленные люди, вносящие в мою жизнь лишь разрушение. Ощущались поцелуи разных губ и прикосновения разных рук, гул голосов нарастал, мужчины уже

не ласкали меня, а постепенно начинали душиТЬ, наваливаясь копошащейся массой и перекрывая доступ воздуха. Я стала задыхаться, меня начало мутить, потом тошнить. Вскоре желудок уже извергнул чашку кофе, выпитого несколько тысячелетий назад. Но этого было мало, и желудок все сокращался, выплескивая в рот кислоту и желчь.

Потом, слава богу, стало темно и все прекратилось.

Очнулась я в больнице. Стоял майский день, и солнышко радовало всех людей в Гродине, кроме меня. Мерзкий вкус во рту, отвратительные тошнотворные ощущения во всем теле, иголка в левой вене – вот что я почувствовала, очнувшись.

У кровати сидел Тимур.

– Выжила? – спросил он обычным тоном, которым он разговаривал со мной последнее время, если не было вокруг посторонних.

– Могла и не выжить? – Я еле разлепила сухие губы. – Ты надеялся овдоветь?

– Глупая шутка.

Он выглядел так, будто только что пришел из своей студии. К щеке прилипло чуть-чуть белой краски, и под клетчатой рубашкой виднелась измазанная той же краской майка. В студии мужа был душ и было полно одежды, но он часто забывал смывать следы своей трудовой деятельности и надевать чистые вещи. Наверное, ночевал на диване, возле своих холстов. Конечно, не выспался и выглядит довольно мрачно.

А может, уже поговорил с Виталием? Причин хмуриться у Тимура было предостаточно, но я все же решила, что главная в том, что я осталась жива. Я его довела до ручки, он спит и видит свою прекрасную новую жизнь без унижительных для нас обоих выкрутасов своей половины. И вообще без нее.

Мне было нехорошо физически, но, когда я додумала свою мысль до конца, мне стало нехорошо и морально. Господи, как же паршиво жить!

– А что со мной было?

– Ты не помнишь? – удивился Тимур.

– Нет... Точно, не помню. Только спать вдруг захотела, и потом тошнило, и запах неприятный...

– Ты газом отравилась. Выпила меланиум и открыла газ. Мне соседи позвонили, Наташка с Колькой. Сказали, что пахнет газом сильно на лестнице, и спросили, что делать? У них же есть ключ от нашей квартиры. Я разрешил открыть и сам приехал. А тебя «Скорая» увезла. Тебе повезло, что тебя стошнило – лекарство не успело попасть в кровь в достаточном для летального исхода количестве, – кажется, это была цитата. – Они считают, что ты хотела...

– Умереть? – Он кивнул, опустив взгляд. – Нет! Я не собиралась умирать! Зачем мне отказываться от такой чудесной жизни? У меня море поклонников, муж – талантливый художник, живу на денюжки отца и работаю только для удовольствия! Кстати, а как же папа? Он же был дома!

– Нет, его не было. У него встреча с Ижевским. Приезжала

милиция, они тоже решили, что это попытка самоубийства. Все допытывались, не ссорились ли мы последнее время...

– Ой, ладно, хватит уже! Не пила я никакой меланиум! – Мне надоела эта болтовня. – Кстати, о скандалах, ты знаешь, с кем я была вчера?

Тимур встал.

– Не знаю и знать не хочу! – он уже повернулся, чтобы уйти, но тут я сказала интимным тоном светской львицы:

– Виталия Кирина помнишь?

Муж поднял недоуменно брови:

– Он в Америке!

– Я съездила в Америку.

– Он приехал? И ты уже успела?.. – Тимур побледнел от гнева. – Чертова шлюшка!

Я кивнула, довольная произведенным эффектом. Да, так его еще ничто не шокировало! Он просто перекосялся весь, представляя себе, что думает о нем теперь Кирин.

– Ах ты, гадина! – выплюнул он в мою сторону и продолжил, сверкая узкими глазами: – Что же ты за гадина такая? Есть хоть что-то, что может остановить тебя?

– Да, – я снисходительно улыбнулась. – Развод!

– Не будет развода, не надейся! – и высказался уже почти спокойно: – Мне казалось, ты мучаешься, тебе плохо от того, что ты творишь, но нет! Думал: может, я и вправду виноват. Я сегодня всю ночь сидел здесь и вспоминал. Что же с нами случилось? В чем дело? Что у тебя на душе? Но у тебя души

нет, одно влагалище. Стерва ты, не больше.

Он вышел, хлопнув дверью.

Глава 5

Я ни секунды не верила в возможность суицида для себя. Зачем – я и впрямь неплохо живу! А если начинаю скучать – придумываю новую авантюру. Вот, например, за полгода до дурацкого отравления газом мне все наскучило. Сколько можно таскаться по мужикам? Раньше меня немного заводил сам процесс охоты. Выследить, выбрать подходящее оружие: платье, макияж, первую фразу, потом подобраться поближе, ближе, еще ближе. Это была игра, спорт, пари с самой собой. Да и не только с самой собой. Но сам секс перестал меня интересовать совершенно. На стадии любовных утех игра становилась работой. Точно как для любой другой проститутки.

Я многое знала теперь о проститутках, потому что, бывая регулярно во всех этих заведениях, где паслись мои кролики, я познакомилась с девочками, вынужденными зарабатывать себе на жизнь тем, что я выбрала по дурацкой прихоти.

Большинство из них работали по вызову, но числились в массажном салоне «Релакс». Хозяин салона нещадно обдирали девчонок, и они жаловались мне. Между нами не было конкуренции, потому что я выбирала всегда только одну жертву, уже определенную. Кроме того, иногда покупала девочкам выпить. Словом, с кем поведешься, так тебе и надо! Я не могла не признать свою номинальную принадлежность к

цеху работающих девушек. Тем не менее проститутки обычно были веселыми молодыми бабами. Они даже нравились мне своей наивной верой в то, что непрерывный трах со множеством мужиков дает им способность лучше разбираться в жизни. Девки жили простой жизнью, без перекосов в сторону Достоевщины, интересуясь едой, выпивкой и тряпками. Пару раз я попадала на девичники жриц любви, где они болтали о своей жизни. И это не было трагично, страшно или тяжело. Это был образ жизни и в какой-то мере призвание.

В провинции в сфере порока не вертятся такие бешеные деньги, как в столице, и порядки здесь не такие крутые. Многие девочки вообще работали без всяких сутенеров, и никто их не обижал. Кое-кто не брал денег с понравившегося парня. Большинству из них хотелось только, чтобы клиенты попадались почище и побогаче, и не стремились обмануть или ударить. Поиск таких клиентов и был основной проблемой моих веселых подружек.

На ловца и зверь бежит! Однажды я увидела, как Тимур обновляет свой сайт в Интернете. У него была домашняя страничка, где он помещал свои работы, информацию о своем творчестве, о том, где выставляется в ближайшем будущем, и все прочее для своих, как я думала, поклонников.

– Полезная штука? – спросила я.

– Как же, как же, очень нужная вещь! – начал он объяснять. – Здесь мои картины, люди заходят, смотрят, при-

глашают на выставки. Вот месяц назад я в Амстердам ездил, помнишь? На выставку экологов, с «Лабиринтами природы». Так вот, это они меня в Интернете откопали! А вот вчера картину купили, парень из Ростова приезжал! Это тоже через Интернет.

– Значит, – в голове сложился план, – если я помещу на своей страничке фото свое и напишу: «Даю всем и бесплатно!» – найдутся желающие?

Он досадливо поморщился и, не ответив, отвернулся к монитору.

– Тимур, а кто тебе сайт делал? Ты же сам не умеешь!

– И его трахнуть хочешь? – отозвался он. – Ладно, тебя же не остановишь! Это Вовка Кривошеев. Ты хочешь свой сайт? Ну хорошо, хорошо. Телефон у меня в мобильнике записан. Сейчас скажу...

– У тебя мобильник есть? Ты разбогател? – я удивилась, потому что раньше он не интересовался модными игрушками.

– Да, – сказал он просто, – я же картину продал.

– За сколько? – не отставала я.

– Тысяча долларов.

– Ого! А что ты продал? Из «Лабиринтов»?

– Нет! – он возмущенно повернулся ко мне. – Ты спятила?! «Лабиринты» не продаются. Это только для выставок. Я продал «Кровь на асфальте».

Такие вещи стали появляться среди мягкого, радостно-

го и яркого ряда работ художника Тимура Багрова. Он подписывал их «Дервиш Тимур», и это был слегка завуалированный кич. Упомянутая «Кровь на асфальте» изображала действительно кровь на асфальте, оставшуюся после того, как кого-то пристрелили в этом месте и убрали тело. Асфальт был прорисован так, что хотелось дотронуться до холста и убедиться, что это настоящий гравий, залитый битумом. А вот кровь лежала сверху, как кусок картона: плоское красное пятно. Контраст фактур привлекал и останавливал взгляд зрителя. Но самым главным было другое. Не знаю, какими методами, но «Дервишу Тимуру» удалось передать такое ощущение смерти, что мороз продирает по коже. Сначала я думала, что это только мое впечатление. Ну, личное восприятие извращенного ума. Однако я слышала отзывы критиков, читала письма, полученные Тимуром через Интернет, – все твердили одно: это воплощение страха смерти!

Всего было, на данный момент, шесть работ, подписанных «Дервиш Тимур». Все они производили какое-то жуткое впечатление. После окончания каждой из них Тимур дико напивался и не трезвел дня три-четыре. «Лабиринты природы» не нуждались в таких активных антистрессовых мероприятиях. В период запоя он запирался в мастерской и пускал туда только меня. Я готовила ему еду, дожидалась, когда он немного проспится, и заставляла его помыться и поесть. Потом уходила примерно на сутки. Когда «Дервиш Тимур» запил после первой работы – я испугалась, но попробовала

переждать немного – ведь раньше не было такого! И вправду, он вышел из запоя через три дня, вполне бодрый и довольный собой. Почему пил – не объяснял. Но задавать вопросы на такие личные темы я не считала себя вправе. Если он захочет, если я буду нужна, – позовет. Он не позвал. Это снова показалось мне вполне справедливым.

Выспросив у мужа все, что касалось создания своей домашней странички, я обратилась к Вовке Кривошееву за помощью. Он помог, я расплатилась натурой. Кривошеев был бабником, а на мне уже клейма негде ставить было.

Словом, вскоре у местных проституток появился свой сайт. Я размещала на нем их немного приукрашенные фото, а они платили мне десять процентов от выручки. Девочкам нравилось: через Всемирную паутину клиенты попадались в основном приличные. Это вам не на улице стоять! Я тоже рада была грязным деньгам. Тимура тошнило от моей деятельности.

– Сутнерша, бандерша хренова! – говорил он. – Ты хоть фамилию мою убери! Не позорь, все же в городе меня знают.

– Дурак ты, – отвечала я беспечно. – Для того и делается! А девяносто процентов тех, кто тебя в городе знает, уже в моей постели побывали!

– Убить тебя мало! – прошипел он, мысленно натачивая кривую татарскую саблю.

– А ты разведись со мной! – улыбнулась я сладко.

Глава 6

И все же после больницы я вернулась домой совсем подавленная. Психологи здорово потрепали меня. Надо было отвираться от них, выкручиваться от всяких вопросов и при этом изображать искренность. Как-то все плохо теперь получается. Свою жизнь разрушаю своими руками, будто черт в меня вселяется, но неужели я и вправду пыталась покончить с собой и не помню этого? Мне назначили курс терапии и посещение психотерапевта, но я отменила эту ерунду. Эдак они и на самом деле убедят меня покончить с собой, а я не хочу!

У нас жил папа, и мы с мужем вновь оказались в одной постели. Конечно, это ничего не значило: Тимур брезговал мной, а я стала ненавидеть сам секс после всех этих чужих мужчин. Выспаться намного важнее!

В первую же совместную ночь Тимур разбудил меня со словами:

– Что с тобой? Ты плачешь? Тише, тише, разбудишь Игоря!

Я проснулась на судорожном вздохе. Лицо было мокрое, подушка пропиталась соленой жидкостью.

– Я плакала? Глупости какие! Мне ничего не снилось!

– Варя, – он произнес мое имя, и я вздрогнула – так давно этого не было. – Ты плакала! Между прочим, это происходит

каждую ночь, я слышу твои рыдания через стену!

– Я смеюсь до слез, вот и все!

Тимур подвинулся ко мне и приобнял за плечи. Мне стало неуютно, я привыкла относиться к себе как к неприкасаемой, грязной шлюхе. Дружеский жест обжигал. Я высвободилась из его рук. Он не обиделся и спросил:

– Ты не замечаешь, что плачешь?

– Да не плачу я! Глупости какие!

– Знаешь, пусть они полечат тебя! – Он имел в виду отвергнутых мной психотерапевтов. – По-моему, ты больна. Эти слезы и попытка самоубийства, а главное, что ты не осознаешь своих поступков. Все это – болезнь.

Боже, избавь меня от его заботы!

– Какая тебе разница! Нормальная я или ненормальная, тебе-то что! Мы чужие люди, живем ради денег. Я уже истаскалась вся, ты уже убить меня готов! Когда же это кончится? Может, правда, пора газом травиться?!

И тут я заплакала на самом деле. Мне стало так гадко от всех своих дел, я видела Тимура рядом, понимала, что из-за своей глупости потеряла его навсегда, и так хотела любого, пусть самого печального, но исхода!

Он сидел рядом со мной на постели, обняв свои колени и опустив глаза. Больше попыток утешить меня муж не предпринимал. Вдруг стало жарко от всех этих не предусмотренных протоколом эмоций, и я решила подышать свежим воздухом. Встала, накинула на короткую трикотажную маечку

легкий шелковый халатик и вышла на балкон. Мне показалось, что папа все же проснулся – где-то скрипнула дверь. Я стояла в темноте над спящим городом.

Зачем я так живу? Зачем я сделала себя несчастной? Тимур не разведется со мной, ему по-прежнему нужны деньги. А теперь, когда мой отец занимается художественными выставками, муж вытерпит бордель даже у себя дома!

К тому же отец пообещал познакомить Багрова с директором «Арт-салона» – Михаилом Ижевским, большим авторитетом в Гродинском художественном бомонде. Ижевский уже видел работы Багрова и согласился взять несколько ранних пейзажей Тимура и серию акварельных этюдов на морскую тему. Это только для начала. Потом, если Багров «пойдет», как выразился папа, его работы разместят в центральной части экспозиции.

Кажется, хлопнула входная дверь. Наверное, это Тимур ушел в свою мастерскую. Он иногда вот так неожиданно пропадал, и это означало, что в голову художника пришла какая-то идея, а значит, до утра он ждать не может! Тем лучше.

Конечно, работы Багрова «пойдут»! Он талантлив, он дьявольски талантлив! И с помощью моего папы он получит роскошную PR-кампанию в местных СМИ. К тому же о творчестве молодого художника положительно отзовется сам Ижевский со товарищи. А это многого стоит. Тимур завоюет Гродинский художественный олимп. Я нужна Тимуру, я – его заложник, гарантия карьеры его. Вот так я попала в

ловушку.

Но самое страшное, что эту ловушку сама же на себя и поставила! Теперь, когда я так извалялась в грязи, что стала омерзительна в первую очередь самой себе, теперь, когда уже ничто и никогда не сможет смыть осклизлых воспоминаний, теперь мне нет дороги назад. Я уже никогда не смогу просто войти в свой дом, просто поцеловать своего мужа, просто лечь с ним в постель и просто заниматься любовью. Со мной всегда будет ощущение своей мерзопакостности, своей порочности, своего опыта шлюхи. Я плакала, жалея себя, но вдруг прислушалась.

Мне показалось, что в квартире что-то снова зашуршало, приближаясь к балкону, ко мне. Я повернулась спиной к парапету и стала вглядываться в темень кухни. Скрипнула балконная дверь, и скрюченная в три погибели фигура метнулась мне в ноги. Я испугалась, а чьи-то руки уже отрывали мои ступни от пола. И я даже не поняла, как это случилось, когда мое тело вдруг оказалось летящим вниз, к земле, к смерти! Мне удалось только сгруппироваться, потому что такова была выучка моего тренера по борьбе – группироваться, даже если падаешь с табуретки. Сейчас я пикировала с шестого этажа и успела очень многое обдумать за полет, в том числе и бессмысленность тренерской науки.

Еще я успела подумать, что это будет больно – умирать от удара о бетонные плиты, опоясывающие наш дом. И еще – что так будет лучше и для меня, и для Тимура. Папа теперь

ему ни в чем не откажет, а он освободится от такой мрази, как я!

Потом был удар, треск и второй мягкий удар – я потеряла сознание.

Потом был голос Тимура, шепчущего мне что-то такое обеспокоенно-ласковое и обнадеживающее. Были его теплые руки и жуткая, непереносимая боль в позвоночнике. Господи, за что это! И еще (какой чудесный сон!) были поцелуи Тимура. Я через ослепляющую боль счастливо ощущала их на лбу, висках, щеках, губах... Пусть это будет вечно! Но как же мне больно, как больно!

Глава 6

Мне сказали, что я снова пыталась покончить с собой! Ну не дура ли? На этот раз способ самоубийства был выбран абсолютно надежный. Вот только неудачникам не везет даже с суицидом. Я, и в это просто невозможно поверить, упала не на землю, а на «КамАЗ», крытый брезентом. Мое тело, сжатое в кулак, сначала пробило этот брезент, а потом плюхнулось в тюки с ситцем. Вот так. Жизнь мне непроизвольно спас водитель грузовика, оставивший, вопреки велению своего начальства, «КамАЗ» с товаром возле своего дома.

Я не очень пострадала, только что-то случилось с дисками моего бедного позвоночника. Они сдвинулись, и теперь надо было их вправлять на место и лечить.

Да, еще один момент. Тимур вовсе не был бесплотным видением. Он на самом деле вышел из квартиры за пять минут до моего полета. Лифт не работал, Тимур пошел пешком. У него возникло желание поработать, и, обдумывая, что и как он будет делать, художник шел через двор, когда раздался мой отчаянный крик. Я не помню, чтобы кричала, но так было. Тимур не сразу уловил, что это я, но как-то почувял, а потом увидел мое тело, падающее в грузовик. Он бросился к машине, влез на нее, достал меня и...

Померещились ли мне его поцелуи – не знаю. Очень может быть! Однако это он вызвал «Скорую» и привез меня в

больницу.

О новых испытаниях, которым подвергли меня чертовы психотерапевты, вспоминать не хочется. Они упорно делали из меня идиотку, которой наскучила ее сытая жизнь. Я сопротивлялась, как могла. Потом уже собралась соблазнить доктора, но явно была не в форме: спина болела постоянно, днем и ночью. Не знаю, когда мне было хуже!

Обезболивающие уколы не приносили облегчения. Я так устала от невозможности нормально ходить, сидеть, лежать, что даже плакала. Выздоровление от второй смерти изрядно затянулось.

Ко мне часто приходил папа. Ему пора было уже уезжать, готовиться к летней выставке в своем новом выставочном центре, но он все тянул, не желая оставлять меня одну. На Тимура рассчитывать не приходилось. Я знала, что он тяготеет мной и уже был бы рад, если бы мне удалось довести до победного конца хотя бы одну из своих попыток переселиться поближе к господу богу.

Папа же просто считал, что на человека искусства бессмысленно надеяться в трудной житейской ситуации. Мы хорошо пускали ему пыль в глаза, изображая счастливую пару, тем не менее папа уже был однажды связан с одной неземной персоной. Свой опыт он переносил на мою ситуацию.

– Видишь, Варька, как получается, – говорил он, сидя у моей койки. – Обычно дочери повторяют судьбу матерей, но ты умудрилась повторить мою судьбу. Ты, наверное, до сих

пор обвиняешь меня в том, что я бросил твою маму и мы с тобой не общались, пока тебе не исполнилось восемнадцать, а она не... не умерла!

– Папа, ты знаешь, ни в чем и никогда я тебя не обвиняю. Посмотри, что бы я без тебя сейчас делала? На что бы жила? Я же ноль, бесполезный ноль. Только ты и даешь мне возможность безбедно жить! Да еще и мужа содержать...

– Варька, никогда не называй себя нулем! Никогда. Ты просто еще не нашла себя, не определилась! И ты слишком любишь Тимура и живешь не моими деньгами, а его картинами. Я же вижу! Ты плачешь над его пейзажами и ходишь как больная, если у него период застоя. Ты даже не его картинами живешь, а его дыханием.

– Вот ерунда! – хоть и выгодно было оставлять папу при его мнении, но такое уже слишком! «Его дыханием»! – Я живу – и все. Да, Тимур много значит для меня и его работы тоже, но...

Я возмущенно развела руками.

– Да, я тоже так говорил, когда жил с твоей матерью. Но в том-то и дело, что когда любишь человека, очень нуждаешься в его тепле, – он уже погрузился в воспоминания, и не было смысла его перебивать. – С твоей мамой жить было просто невозможно. Она существовала для искусства. А я оказался рядом случайно, мои чувства не имели никакого значения. Вот же парадокс: они, эти художники, такие тонкие, эмоциональные, живут в мире гармонии, наблюдают перспективы,

а близких своих в полуметре не замечают!

– Ну, близкие тоже хороши, – сказала я, имея в виду, конечно, себя.

– Да, – согласился он невпопад. – Я тоже не ангел. Я всегда слишком много работал и не часто интересовался ее творчеством. Придирался к ней: готовить не умеет, в доме грязь, ты голодная бегаешь по двору, а она у мольберта! Ох, вернуть бы все! Сам бы готовил, только бы она рядом была! Дурак, я дурак.

Он уже расчувствовался, что было довольно непривычно. Мне казалось, что это психотерапевты его обработали: он не понимал, какая хрень творится со мной и почему я не хочу жить, боялся, что уйду, как мама ушла из его жизни и из жизни вообще. Но спрашивать, говорить о проблеме опасался. Просто не знал, как. Он только сказал на прощание:

– Варька, все пройдет! Не поступай, как она, не надо! Многим будет больно. А я и не переживу, наверное. У меня же никого больше нет, кроме тебя!

Что ответить, как им всем объяснить, что не прыгала я с шестого этажа?! Ну как бы я прыгнула, увидев внизу этот дурацкий «КамАЗ»? Да и синяки на щиколотках никто из докторов объяснить не смог. Мне сказали, что завтра придет следователь из милиции, и я смогу ему все рассказать. Мой основной соперник в борьбе за мой же здравый смысл был светом психиатрии и солнцем на небосклоне психологии. Его звали Евгений Семенович Костров. Он думал, что, когда

следственные органы докажут, что на меня никто не покушался, я признаю себя помешанной на суициде. Посмотрим!

Следователь Павел Седов, молодой серьезный парнишка с коротко стриженными рыжими волосами и смешными веснушками на курносом носу, пришел ко мне в палату утром, около девяти.

Я уже привела себя в порядок. Мне не хотелось произвести впечатление сумасшедшей, и поэтому я гладенько зачесала волосы, аккуратно подкрасила губы помадой нежно-бежевого цвета и надела скромный чистенький халатик из тех, которые не распахиваются без надлежащей команды.

Павел вошел, поздоровался и сел на стул возле кровати. Из того, что он даже блокнотик с ручкой не достал, я поняла: Костров уже общался с эскулапами. Что делать? Профессиональное мнение психиатра и бред сумасшедшего, что выглядит убедительней?

– Итак, Варвара Игоревна, что вы хотели мне рассказать? – спросил следователь, представившись.

– Я хотела рассказать, что... Знаете, я видела человека, сбросившего меня с балкона!

– Да? И как он выглядит? Какого цвета у него волосы? Глаза? Во что одет? Это был мужчина или женщина?

– Вот именно, – кивнула я, подтверждая, что последний вопрос самый правильный. – Я даже не могу сказать, мужчина или женщина. Дело было ночью, мелькнула тень человека в черном – и все! Но ведь у меня на щиколотках оста-

лись синяки! Пусть ваш судмедэксперт осмотрит и скажет, что меня схватили за ноги и выбросили с балкона.

– Варвара Игоревна, – он точно говорил со мной, как с сумасшедшей. – Поймите, доктора считают вас не совсем здоровым человеком, а синяки на щиколотке могут появиться и от другого!

– Да? От чего, другого?

– Ну, судя по вашему образу жизни, – вы знаете.

Он сально ухмыльнулся, и я поняла! Секс! Ха-ха, так я еще не пробовала! А он опытнее меня, очень интересно... Надо же, навел справки, чем я по жизни занимаюсь.

– Вы, Паша, ошибаетесь. Можете спросить моего последнего партнера. Так мы с ним не делали, – я говорила нарочито серьезно. – Но вы должны проверить, кто захотел меня убить.

– Ну, для этого пришлось бы разбираться со всеми вашими друзьями мужского пола, а на это и жизни не хватит. – Седов уже не скабрезничал, а просто хотел отделаться от меня. – Ваш образ жизни рано или поздно должен был привести к неприятностям. Ладно, напишите заявление, потом посмотрим.

– Потом, это когда меня убьют? – возмутилась я. – Любая шлюха достойна того, чтобы ее защищали следственные органы. Таков закон, и вы это знаете!

Он согласно кивнул и поднялся.

– Всего хорошего, Варвара Игоревна.

Я отвернулась. Он вышел из палаты.

Глава 7

Через месяц в «Арт-салоне» Михаила Ижевского состоялось открытие выставки работ молодого талантливого художника Тимура Багрова. Из мастерской было вывезено буквально все, до листика. Ранние работы Тимура занимали левую стену небольшого светлого помещения, отведенного под экспозицию. Справа висели этюды, наброски и акварели Багрова. Посередине размещались «Лабиринты природы». Серия уже состояла из восьми работ, но мне больше всего нравились папиллярные линии пальца человека, мозг человека и, конечно, «Малахит».

На открытии присутствовало огромное количество народу. Официанты в белых пиджаках разносили шампанское и закуски. Представители прессы, местная богема и пара бизнесменов от искусства составляли основной костяк приглашенных. Были и зрители, прогуливающиеся по залу и делящиеся своими ценными художественными впечатлениями. Над толпой звучали отголоски дружелюбных отзывов.

Тимур в костюме цвета стали покроем, почти полностью декорировавшим кривизну его ног, с распущенными кудрями, немного укороченными в честь праздника, выглядел и держался на уровне. Я очень радовалась, потому что знала, как он волновался накануне и волнуется сейчас.

Стараясь не терять его из виду, я стояла рядом с Ижев-

ским, который мне всегда напоминал элегантного тюленя, и беседовала с ним на умные темы. С директором «Арт-салона» я никогда не спала и не собиралась. Он был слишком близок моему отцу, мог сболтнуть что-нибудь эдакое, а мне расстраивать папу никак не хотелось. И это была единственная причина моего воздержания.

Ижевский то и дело перекидывался с гостями парой фраз. Он уже отыграл свою роль хозяина и теперь давал возможность народу самому оценить качество представленных работ. В общем, товаров, если быть честными.

– А твой муж далеко пойдет, если не срежется на взлете. – Такая похвала дорогого стоила! – Он молодец, я рад, что Игорь настоял на выставке. Мне сначала Тимур не приглянулся. Картины чудесные, но у нас в провинции он не пробьется без мохнатой лапы. Даже в столицах ему было бы легче, но там деньги нужны.

– Да, – я кивнула, не слишком вникая в его слова и ощущая, как неукротимо нарастает боль в позвоночнике. – А кто это там прогуливается? Мне мерещится, или это Костров дефилирует с хорошенькой женщиной?

– Да, это Евгений Семенович, – ответил Ижевский, тоном выражая дружелюбную симпатию к объекту разговора.

– Что он тут делает? – удивилась я.

– Как что? Он большой знаток и любитель живописи. Между прочим, у него солидная коллекция полотен, частное собрание и даже собственная маленькая закрытая галерея.

– А я и не знала!

– А ты пока и не должна знать! – рассмеялся он. – Вот оперится твой Багров, и все узнаешь. Кстати, именно у него собрано самое большое количество работ твоей матери. Они...

Он выразительно замялся.

– Они?.. – переспросила я, не веря своим ушам. – Они с моей мамой?

– Ну, ты не пугайся так! – Ижевский сам был не рад, что проболтался. – Она лечилась у него долгое время, он и увлекся ею. Твоя мать была потрясающей женщиной и талантливым художником. Просто ей не повезло. Время было такое, что надо было продаваться. А она не могла рисовать всех этих передовых доярок и членов, сама знаешь чего. Я вот рисовал в свое время! Да... – он немного помрачнел. – Да. Такое было время. Ее совсем не выставляли. В Союз художников не приняли, а здесь так вообще грызли со всех сторон. Я сам тогда в крайкоме партии сидел, наставлял! Стыдно теперь, но из песни слова не выбросишь. Я говорил ей: пиши на два фронта – для карьеры и для себя! Ну что бы ей наmaleвать советские поля с советской озимой пшеницей, самой озимой в мире! Но она не могла... Это я сейчас все понимаю, а тогда – совсем другое дело было. Я тоже твоей бедной маме крови напортил. И только сейчас узнал, что твой дед – генерал КГБ в отставке.

– Он жутко честный был, – сказала я без одобрения. – Не хотел связи использовать. Хотя прекрасно мог бы!

– Да, понимаю. – Ижевский вздохнул. – Вот так и вышло!

– В общих чертах я все знаю. Только про Кострова не знаю. Как раз за год до ее смерти я уехала поступать, в Питер. Провалилась и осталась еще на год. Работала, готовилась к следующей попытке. А потом пришла телеграмма о том, что мама умерла, и я срочно приехала домой. А что да как, не знаю!

Я не просто не знала обстоятельств смерти своей мамы, я не хотела знать! Боялась услышать самое страшное для себя – то, что она была одинока... Очень страшная смерть для молодой, в сущности, женщины: накинуть петлю на шею и оттолкнуть табуретку. Я объясняла ее поступок для себя ранимостью творческой натуры, накоплением критической массы бед, возрастным кризисом, безнадежностью.

– Сорвалась она, пыталась с собой покончить. Я не знаю, мы с ней после теплых встреч в крайкоме не очень-то дружили. Но Гродин – маленький город, и слухи до меня доходили. Я слышал, что сорвалась она тогда, когда у нее появились реальные перспективы выйти из тени. Тогда, после перестройки, стали вылезать все, кому не лень. Только тявкни пару раз на соцреализм и поплачься, что тебя зажимали партийные боссы, вроде Миши Ижевского, и глядишь, уже персональная выставка, уже – член Союза художников, уже – за границей! Но Маргарита и на это не пошла. В последний год жизни она отправилась к Кострову. Говорила, что плачет, не спит, не может работать. А не может работать – не

может жить.

Мне было стыдно. Я вообще ничего такого не знала! Звонила домой из Питера, она говорила, что все хорошо, даже шутила. Не то чтобы мы не были близки с ней, просто мама всегда жила своей внутренней жизнью, она была для нее больше, чем реалии каждого дня. Пытать ее на предмет душевного состояния было бы жестоко. В этом смысле папа был прав – рядом с ней живешь как с привидением.

– И Костров увлекся ею, вот такой разбитой?

– Так ведь он психиатр, это его контингент! – рассмеялся Ижевский невесело. – И он увлекся ее талантом. Он рассказывал о ее картинах, как о чем-то необыкновенном, просто был без ума от них. Знал, что со временем они вырастут в цене. И она всегда была красавицей, даже тогда.

– Я знаю. А он мне не говорил о ней...

– Да он просто не знает, что ты ее дочь. Что общего между Ритой Садковой и Варей Багровой? Прости, детка, но ты на нее совсем не похожа.

Это было не обидно, потому что сравниться с моей мамой могла бы только Брижит Бардо. Правда! Те же густые, тяжелые, выющиеся светлые локоны, огромные миндалевидные карие глаза, капризный рот маленькой девочки, познавшей чуть больше, чем положено знать девчушкам. И тело богини. Оно было настолько совершенно, что вызывало даже у мужчин скорее священный восторг, чем желание.

И я – ее дочь! Мелкие и неправильные черты лица, серые

волосы, серые глаза, субтильная фигурка, локти, колени – все как на шарнирах. Сегодня я была зеленоглазой блондинкой с пышной грудью, но сути это не меняло. Я ничем на маму не походила. К тому же бог обидел дочь гения способностями и наградил мерзким характером, который уже привел меня к краю пропасти.

И она была! Была собой, личностью, самодостаточной, творческой и полноценной, а я стала лишь проекцией чужих грязных мыслей. Отражением чужих недобрых слов. Меня нет. Почему так? Никто не знает.

– И он лечил ее? – Я снова вернулась к разговору, внезапно разбудившему в моем сердце печаль.

– Да.

– И она дарила ему свои картины?

– Думаю, да.

– Хочу посмотреть. У меня почти ничего не осталось от мамы. Так, два-три эскиза, ранние акварели, пара пейзажей. Все, что было в квартире, мама завещала Гродинскому художественному музею. Я даже немного обиделась на нее за это. А оказывается, есть еще картины последнего года...

– Как ты красиво сказала, – перебил меня Ижевский, – «Картины последнего года»! Надо будет использовать. Только это подойдет к уже умершим художникам.

Он спросил еще что-то, но я не расслышала его. Мой взгляд, поблуждав по лицам зрителей, нашел стальной силуэт молодого начинающего художника. Рядом с ним, спи-

ной ко мне, стояла женщина, которую, даже не видя ее лица, можно было бы назвать красивой. Ну, есть такое в некоторых людях – мужчинах и женщинах – они красивы с любого бока. Хочу заметить, что говорю о красоте не только физической. Говорю о том, что одухотворяет биологическую особь, об особой божьей искре. Эта женщина была такой, и я напряглась, закусив губу, боясь угадывать будущее. Мне стало страшно.

Женщина, кивнув напоследок гордой головой с красивой современной стрижкой, отошла и пропала в толпе. Я так и не разглядела ее, только запомнила прямую балетную спину. Тимур почувствовал мой прожигающий взгляд и поднял глаза. Наши взгляды скрестились, я жадно сканировала его сетчатку, надеясь, что на ней осталось изображение той феи. Тимур вопросительно поднял брови и отвернулся.

«Вот и расплата», – решила я. Иначе и быть не может. О личной жизни мужа после нашего разрыва я не знала ничего. У всех художников бывают всякие музы и поклонницы, это нормально, но о музах и поклонницах Багрова я ничего не знала. Думаю, с его темпераментом он не мог долго обходиться без маленьких приключений определенного рода. Однако, в отличие от меня, Тимур своими подвигами не делился.

Глава 8

На следующий день я прямо с утра приняла таблетку обезболивающего и позвонила Кострову. Он даже не спросил, зачем я звоню, а сразу назначил мне прием. Только прийти надо было не в больницу, где я лечилась после падения, а в частный медицинский Центр, где у Евгения Семеновича был личный кабинет. Собственно, я хотела поговорить о маме, но не стала перегружать телефонную беседу лишними разговорами. При встрече и поговорю!

В клинику меня подвез Тимур, который спешил на встречу с журналистом из столичного ежемесячного издания, посвященного миру искусства. Журналист был на вчерашнем вернисаже и теперь хотел взять небольшое интервью у Багрова. Тимур хотел того же. Сегодня он был одет в более естественной для себя манере: узкие джинсы и темно-красный, скорее багровый, в соответствии с фамилией, свитер.

Я же решила отдохнуть от яркости и просто распустила свои волосы цвета благородной мыши и влезла в удобное просторное платье.

Тимур поглядывал на меня, наверно, прикидывая, для кого вся эта простота.

Евгений Семенович встретил меня на пороге своего роскошного кабинета, он пропустил меня и зашел следом. Я огляделась. Деревянные панели под орех, такой же рабочий

стол, видеосистема и стопка кассет на тумбочке для аппаратуры в углу. На паркетном полу – дагестанский ковер, на стенах – живописные полотна. Здесь царило ощущение респектабельности, вкуса и комфорта. И на хозяина я посмотрела другими глазами. Этот человек знал мою маму, у них был роман, он целовал ее, он любил ее! Что он вспоминает о ней? Тоскует ли? Не его ли цветы появляются регулярно на ее могиле?

Я села в кресло возле его стола и снова принялась разглядывать доктора: высокий, полноватый, но еще не грузный мужчина. Серые волосы львиной гривой обрамляют умный лоб. Достоинство светится в светло-карих глазах. О чем они разговаривали? Что их сблизило? Наверное, искусство.

– Варенька, – начал он. – Вы прекрасно выглядите. Принимаете препараты, которые я вам назначил?

– Нет, – небрежно ответила я и тут же спросила: – Вы знали мою маму?

– А кто ваша мама?

– Рита Садкова.

Психиатр отреагировал неожиданно бурно. Он вскочил с места, всплеснул руками, покраснел. Его глаза забегали: казалось, он хочет, но не может оторвать взгляд от чего-то находящегося в правом, дальнем от него, углу кабинета. Я обернулась и увидела картину, висящую на уровне человеческого роста. Это была, безусловно, работа моей матери, и, покопавшись в памяти, я вспомнила ее.

Картина была написана в период особенно широкой амплитуды ее творческих исканий. Только что перед этой работой мама закончила традиционный пейзаж, похожий на ранние пейзажи Тимура: четкий рисунок, природные цвета. А эта композиция, созданная непосредственно за пейзажем, была выполнена в духе постимпрессионизма и даже, пожалуй, абстракционизма. Причем техника была выбрана нарочито грубая: краска накладывалась не мазками, а прямо-таки чешуйками. Мне показалось, что мама вообще не брала в руки кисть, работая над этим полотном. Но талант – это особое умение прикоснуться к лягушке и обратить ее в принцессу. Абстракция производила завораживающее, околдовывающее впечатление. Внизу стояла подпись: «Рита Садкова».

Я уже забыла о мечущемся Кострове. Подойдя к полотну, стояла, потеряв счет времени. Я говорила с мамой.

– Варя, я не знал... – раздался над ухом растерянный голос. – То есть Рита рассказывала мне о своей дочери, которая вроде бы учится где-то в Москве или в Питере. Я полагал, что вы там и остались после учебы.

– Это было бы логично: по собственной воле никто в провинцию не возвращается! К тому же я на маму не похожа и фамилия у меня другая. Да и лечиться раньше в психушках мне не приходилось. А тут мне вчера Ижевский рассказал. Мы разговорились о ней, о маме то есть, и мне захотелось узнать наконец, что произошло. Я ведь ничего не знаю о ее смерти. Сначала было слишком больно спрашивать, потом

привыкла к неизвестности. А сейчас я готова совершенно! У вас же есть еще ее работы?

Обернувшись, увидела, как он побелел. Неужели это любовь? Евгений Семенович просто впился взглядом в левый нижний угол композиции. Там были расположены несколько желтых пятен-чешуек и одно, как бы поверх остальных, – бурое. Это бурое пятно имело форму неправильной восьмерки или буквы «В». Причем верхнее колечко восьмерки было более вытянутым и крупным. Психотерапевт тяжело дышал над моим ухом.

Что его так взволновало?

– Евгений Семенович, вам плохо? – спросила я.

– Нет, немного разволновался...

– Вы... вы любили ее?

– Да, то есть... Нет! Но тут другое...

– А где остальные ее работы, принадлежащие вам?

Он вроде бы приходил в норму. Цвет лица нормализовался, и перестали трястись руки.

– Они в моей галерее. У меня есть каталог моего собрания. Я подарю вам экземпляр. А на следующей неделе приглашу посмотреть работы Риточки.

Эта «Риточка» меня немного задела. Вроде обиды за отца.

– Договорились. Спасибо. Я пойду?

– Иди, Варя, иди! Вот каталог. Созвонимся, – он уже совсем отошел от шока. – И принимай лекарства, слышишь?!

– Ага! – откликнулась я с порога.

Глава 9

В мастерской Тимура горел свет, он работал. Когда я вошла, муж поднял голову, потом накинул на картину белое полотно и пошел мне навстречу. Гремела «Ария», на подоконнике горела свеча.

– Привет, – сказал он каким-то странным голосом. – Ты отвезешь меня домой?

Он имел в виду, что я вызову такси. Машину водить я не умела и прав у меня соответственно не было. Но его «Форд» поджидал хозяина внизу! Зачем же такси?

– Да, – ответила я и пригляделась к нему повнимательнее.

Он показался мне немного охмелевшим. Движения были чуть медлительнее, походка небрежнее. Тимур склонил голову к левому плечу и смотрел на меня затуманенным взглядом, чуть шуря свои раскосые глаза. Я принялась, но не почувствовала запаха алкоголя. Его губы немного приоткрылись, как будто он хотел что-то сказать, но слов я не дождалась.

– Ты пьян? Что это? – я заметила на столе две розовые таблеточки. – У тебя что-то болит?

– Нет, – ответил он вкрадчиво. – Это меня угостили...

– Это... Это наркотики?! Ты работал под кайфом?

– Немного. – Он скрестил руки на груди и вызывающе улыбнулся мне. – А что?

– Тимур, только не это! – Я была в шоке. – Нет! Прошу тебя, только не работай под кайфом! Это будет конец, твой талант не нуждается в допингах!

Я очень испугалась такого поворота дела. Запой после написания такой дряни, как работы этого «Дервиша Тимура», – еще фиг с ним! Понятно, Тимуру просто противно делать картины для быдла. Хотя если их делать на таком уровне, как делает он, то не надо стесняться даже откровенной порнографии. Это станет искусством! Но только не таблетки! Они разрушают и талант, и личность. Таблетки, уколы, что там еще бывает?

– Тимур, прошу тебя, только не пиши под кайфом! Что ты хочешь? Что мне сделать для тебя?

Я уже почти плакала, представляя себе размер катастрофы для дара художника Багрова. Сначала ему понравится то, как пишется с таблетками. Получится несколько действительно потрясающих работ. Это будет нечто, прорыв в другое измерение, будет казаться началом нового пути. Но путь этот окажется ему не по силам. Наркотики высосут жизнь из безвольного мозга и превратят гения в отходы своего собственного организма. Он не сможет писать без таблеток, потом не сможет и жить без них.

– Хочешь, я подам на развод, откажусь от своих денег? Я уеду, я исчезну из твоей жизни! Я уничтожу сайт с проститутками. Я уговорю отца всегда помогать тебе. Ты уедешь со всеми деньгами в Москву, станешь знаменитым. Я сделаю

все! Прошу только, не убивай себя!

Он улыбнулся удивленно и мечтательно, подошел ко мне вплотную, а потом стал наступать на меня, вынуждая отходить все дальше к стене, пока я не прислонилась к ней спиной. Тимур уперся в стену вытянутыми руками, я оказалась в плену. Его глаза рассматривали мои губы, взгляд скользил вниз по вырезу льняного свободного платья.

– Славяночка моя, – прошептал он. – Все, как я люблю: русые волосы, серые глаза, нежная грудь.

Он согнул руки в локтях и прижал меня к стене своим телом. Я поняла, что он уже возбужден. Наркотики! Ладно, что мне терять? Я готова на все... Только бы он услышал меня, понял, поступил как прошу! Но все же это нехорошо: он бы бросился сейчас на любую бабу, ему все равно, а я не могу так с ним.

– Тимур, милый, прошу, пойдем домой? Я отвезу! У меня спина болит, пойдем домой, а?

– Девочка, я все думал, как это – быть с тобой, после всех этих мужчин? Остались ли следы на твоём теле? Что изменилось в тебе?

Зачем ему знать! Я промолчала.

Он медленно опустился на колени, не отрывая лица от моего тела. Нашел высокие разрезы по бокам платья и пробрался к голым бедрам. Потом стал поднимать подол платья, покрывая нахальными поцелуями ноги. Его губы двигались все выше, и я отзывалась на их прикосновения со стоном жела-

ния. Сознание сопротивлялось, говоря, что не надо делать такого, это против правил, которые я сама установила, и надо идти до конца по своему пути, но что может поделаться разум против любви?

Я снова попыталась остановить его, на этот раз отталкивая руками. Сопротивление Тимуру не понравилось.

– Тихо, не смей трепыхаться! Татарское завоевание только начинается! Вот так будет лучше!

Он схватил своими жилистыми руками мои слабые запястья и ловко, будто действительно привык обращаться с арканом, связал их мне за спиной моим же собственным плетеным кожаным поясом.

– Не надо, – возмутилась я. – Не надо, слышишь? Я не люблю так, прекрати!

– Сейчас ты узнаешь, как надо! – Он не злился, а играл. Это было приятно, и я смирилась. Глупо делать вид, будто я не хочу его, будто меня не возбуждает болтовня о кочевниках и беспомощность полонянки. Возбуждают, и еще как! Всегда так было. И никогда, ни с кем, ни с одним, даже самым нежным мужчиной я не чувствовала такого кипения в крови, как со своим домашним Тамерланом.

Тем временем я уже лежала на письменном столе лицом вниз и тихо смеялась. Подлая спина болеть и не собиралась! Тимур ласкал мои ягодицы, ведя шепотом прерывистый монолог о клубах пыли в ногайских степях, поднятых копытами ордынских лошадей.

Я все смеялась его словам, когда бурный оргазм сотряс меня изнутри. Всклипнув, я стекла под стол и обессилено повалилась на пол. Тимур тоже улыбался. Он откинул волосы со лба и, задыхаясь, сказал:

– У тебя краска на лице и на платье...

– Развяжи меня! – попросила я.

– Нет, – ответил он, опускаясь на пол и целуя мою шею. – Мне нравится, как ты выглядишь. Я даже хотел бы нарисовать твой портрет в таком виде.

– Не вздумай! Ты не пишешь портретов.

– С таблеточками напишу.

Он встал, застегнул штаны и отошел к холсту на мольберте, который я так и не видела.

– Что там у тебя? – спросила я.

– Узнаешь! – ответил он игриво.

– Тимур, брось наркотики! Ты еще не привык?

– Нет. Это премьера.

Я обрела надежду! Но он продолжил:

– Парочка, да? Ты – шлюха, я – наркоман! Брось гулять!

– Хорошо, если больше никаких таблеток.

Он снова вернулся ко мне. Казалось, действие наркотика прекратилось, и, по закону сохранения эмоций, после затяжного добродушия его охватывало раздражение. У мужчин всегда резко отличается настроение до и после. Гормоны!

– Но ты не сможешь перестать шлаться, ведь так? От кого

ты сейчас пришла? Почему ты вчера так долго говорила с Ижевским?

Я была теплой и расслабленной. Только что у меня был лучший за несколько лет секс, и ссориться не хотелось. Хотелось ласки и, возможно, повторения любви. Но гадостный тон Тимура начинал исподволь раздражать, мешать спокойному току крови в моих сосудах.

– Развяжи меня, – велела я. – Потом говорить будем!

– Нет. Скажи, сейчас это Ижевский? С ним ты спариваешься, сука?

Это было слишком!

– Да! – вспыхнула я. – Да, с ним. И с Костровым, и еще с ротой морских котиков!

– И доктор твой там? Ты на дедов перешла? Убил бы тебя – сидеть не хочу!

Он развернулся ко мне спиной. Постоял и вышел из квартиры, хлопнув дверью так, что я подскочила на месте. Стянутые кожаным пояском руки начинали болеть.

Я вяло покрутилась в разные стороны, надеясь увидеть что-нибудь, что помогло бы мне освободиться. Не найдя, присела в кресло у стены. Меня немного развезло, хотелось поспать хоть пять минут, и я, постаравшись минимально налегать на кисти рук, откинулась в кресле. Кажется, я задремала, потому что еще до того, как открыла глаза, почувствовала запах гари. Где-то пожар! Подскочила и поняла: пожар в мастерской!

Я выбежала из комнаты: огонь пылал в кухне и в прихожей. Уходя, Тимур не потрудился выключить музыку, и Кипелов сопровождал мои метания по горячей квартире «Игрой с огнем». Еще был шанс выскочить из студии, даже связанными руками я могла бы открыть замки. Пламя только начинало выжигать прихожую и подбираться ко входной двери. Я бросилась на выход и потратила последние пять минут на то, чтобы нащупать за спиной нижний замок и дотянуться до верхнего. Освобождение было близко.

«Картина Тимура и каталог Кострова с репродукциями картин мамы! Боже, они сгорят! Я себе этого не прощу!» – вспомнила я и снова метнулась в комнату. Остальные серьезные работы мужа были в «Арт-салоне», и мне показалось это везением.

Но руки были по-прежнему связаны! В комнате загорелись обои. И тут я увидела нож Тимура, которым он резал холсты, когда готовил полотна к работе. Он просто валялся на полу, и я, дура, моталась мимо него сто раз! Я села спиной к ножу, взяла его пальцами, повернула лезвием к запястьям и стала пытаться попасть лезвием по кожаным переплетениям.

Несколько раз резанула по своей собственной коже, но потом получилось неожиданно легко: чик – и я свободна!

Бросилась к мольберту, схватила картину, обернутую в полотно. Она была небольшая: сантиметров семьдесят на пятьдесят. Потом нашла каталог, валявшийся на полу и повернулась, чтобы выйти. Выходить было некуда: стена пла-

мени надвигалась на меня из коридора. Все. Приехали!

Нет, не приехали! Есть еще балкон. Только бы, открыв балконную дверь, не создать тягу, которая выдует огонь наружу. Тогда и балкон превратится в аутодафе. Но деваться было некуда! Я, помолясь, повернула ручку двери вверх. Створка распахнулась, и огонь шарахнулся в глубь комнаты! Кажется, повезло! Выскочила на воздух и закашлялась. Свежий воздух обжег легкие.

Мастерская была на третьем этаже. Теплым весенним вечером народ прогуливался по улицам, толпа уже глазела на пожар. Похоже, кто-то раньше заметил огонь и вызвал пожарную бригаду. Машины с мигалками замаячили на дороге.

Через десять минут парень в каске уже помогал мне перелезть через парапет балкона на раздвижную красную лестницу, не уронив холст и каталог, чуть не стоившие мне жизни. Потом приехала «Скорая», потом приехал папа. Только Тимура не было, а я ждала его. Потому что хотела спросить: кто эта обнаженная женщина, изображенная на спасенном мной полотне?

Глава 10

В общем-то опять я отделалась легким испугом. Даже не отравилась угарным газом, только надышалась, и меня немного мутило до утра. Но потом я уснула, а днем уже была как огурчик. Вот только окончательно поверила во вмешательство некой весьма материальной силы, пытающейся укокошить меня. Пожарные, правда, сказали, что причина пожара в плохой проводке, но я уже скорее бы поверила в лох-несское чудовище!

На следующий день ко мне домой приехал Костров. Мы устроились с ним в белом тупичке – гостиной на белых же диванах. Костров выглядел не очень уверенно, во всяком случае, не так уверенно, как обычно. И беседу он начал со внушительной констатации неоспоримого, как он считал, факта:

– Снова попытка самоубийства. Варя, дело обстоит серьезнее, чем я думал. Эти царапины на руках – вы пытались перерезать вены!

– Евгений Семенович, договоримся: я никогда не хотела умереть. Давайте наконец посмотрим правде в глаза – на меня снова покушались.

– Выяснились некоторые новые обстоятельства... Наследственность. Твоя мама покончила с собой. Прости, Варя, что я говорю об этом, но я-то знаю!

– Она лечилась у вас, – мне показалось, что я заметила некоторое несоответствие в его словах. – Она лечилась у вас, вы помогли ей справиться с депрессией, с желанием убить себя, и тем не менее она покончила с собой. Значит, вы не смогли помочь ей?

Костров сразу сник, но, подумав, стал говорить:

– Раз возник такой вопрос, значит, я должен кое-что объяснить. Не только для оправдания, но и исходя из соображений врачебной этики. Ты должна мне доверять. Риточка и мои личные отношения с ней, мои профессиональные отношения с ней – все это обернулось для меня настоящей драмой. Для меня, как для человека, мужчины и врача. Она появилась на пороге моего кабинета такая красивая и такая надломленная, что у меня сердце сжалось. Я отнесся к ней не просто как к обычной пациентке, а прежде всего как к прекрасной женщине, попавшей в беду. Мне захотелось помочь ей не только потому, что это был мой долг, но и из личностных побуждений. Можно я закурю?

Я кивнула, он прервал свой плавный монолог, достал из кармашка пиджака трубку, раскурил ее, выпустил клуб дыма и продолжил:

– Твоя мама была сложной личностью: многомерной и многоплановой. Но я видел главное в ней – глубокий внутренний дисбаланс. Она всегда больше жила своим творчеством, своими ощущениями, мыслями, образами, представлениями. Риточке трудно давался контакт с внешним миром.

Если помнишь, она боялась даже грубых продавцов в магазине. Если получалась неприятная ситуация или, не дай бог, скандал, она терялась, плакала, не могла работать. В молодости она очень пострадала от чиновников в искусстве, от давления совкового менталитета, но не закалилась, а, наоборот, ослабела от этого. Когда она попала ко мне, я понял – это случай серьезный, тяжелый. Болезнь длится долгие годы, сейчас она прогрессирует, и если не принять должные меры, возможен полный распад личности.

Я вздрогнула:

– Безумие? Она сходила с ума?

– Это мог бы заметить только опытный психиатр. Знаешь, есть такие скрытые заболевания – их ход незаметен. Муж, жена, сын, дочь, наконец, не видят никаких изменений в близком человеке, но процесс идет, и в один решительный миг все удивляются внезапным переменам в облике больного. Он становится неадекватен, совершает странные, очень странные поступки... Ну, и так далее. Риточка находилась на стадии, предшествующей активным внешним переменам.

Ужас этих слов перевернул мне душу. Я тихо заплакала:

– Мама, – причитала я. – Мамочка, родная, как же так? Что же это... Почему я не видела? Ах, дура я, дура!

– Варя, не вините себя. Как я уже сказал, болезнь мог распознать только опытный психиатр. Я стал лечить ее. Мы поговорили, я сделал ряд тестов, созвал консилиум. Учитывая, что Риточка была творческим человеком, мы решили,

что ей необходимо постоянно иметь возможность работать. Я предоставил ей одну палату полностью, там мы оборудовали для нее мастерскую. Сделали все, как ей было удобно. Риточка могла в любое время уходить домой и снова приходить в свою новую студию. Кстати, мастерская привлекала ее, и даже если ей не хотелось лечиться, она стремилась работать и снова приходила ко мне. Часто я проводил сеансы психотерапии прямо в ее палате, где она стояла за мольбертом. Поэтому и только поэтому ее полотна остались у меня. Она оставила их мне в благодарность за возможность творить.

– А почему же она умерла? – сдавленно спросила я.

– Это больше напоминает несчастный случай! – Он тяжело вздохнул, отвернулся, помолчал. Потом все же продолжил с горечью: – В моей терапии есть один этап. Самый сложный этап из всего курса, когда больной, уже ставший на путь выздоровления, вновь переживает катарсис. Он как бы в последний раз заглядывает в глубины своей души, решая раз и навсегда, что его ждет в будущем. В случае с Риточкой произошло несчастное стечение обстоятельств. Мы уже довольно долго были близки с твоей мамой. Наши отношения пошли ей на пользу. Я старался дать ей необходимые тепло и ласку, которых она была лишена долгие годы. Она благодарно принимала их... И тут я совершил глупость. Став близким ей человеком, а не отстраненным профессионалом, я потерял способность достаточно четко улавливать истинное состояние ее больной души. Я решил, что Риточка намного

ближе к желанной для нас заветной цели, чем полагал ранее. Кроме того, Варенька, подготовьтесь, сейчас я скажу вам совершенно шокирующий факт. Кроме того, Риточка была беременна.

Я опешила. Сначала я подсчитала, что маме было тридцать девять лет, когда она умерла. Ну, допустим, она и не вспомнила о средствах предохранения. Для нее это было бы нормально. Но Костров-то?

– Вы позволили такому случиться? Она же была больна! Беременность – это не прогулка в Диснейленд! Это нагрузка, гормональные бури. У нее и так были с психикой проблемы, а тут еще и такое испытание!

– Ну, – Евгений Семенович покачал седой головой, – ты преувеличиваешь! Мы бы все равно поженились. Когда она узнала о ребенке, то очень обрадовалась. Сказала, что теперь сможет пережить вторую молодость, что ты тоже будешь рада! А если у больного такая реакция – значит, все идет в нужном направлении. Это стало дополнительным фактором, отвлекшим мое внимание. Я тоже радовался, готовился к переменам в своей жизни.

– А вы не женаты?

– Я женат, но в ту пору планировал развестись с женой и создать новую семью с Риточкой. Потом случилось страшное. Настало время катарсиса в нашей терапии, и когда Рита находилась в состоянии сильного эмоционального напряжения, она встретила, абсолютно случайно, своего старого

знакомого. Из партийных функционеров местного масштаба. Этот человек в свое время сделал много плохого. Она встретила его, он напомнил ей прошлое. То время, когда ее унижали и подавляли. Она впала в депрессию, одно наложилось на другое. Риточка не выдержала и...

– Повесилась.

Мне это слово нелегко далось, но Кострову оно далось еще тяжелее. Он весь съежился, сгорбился, вжался в диван и закрыл лицо руками. Мне стало жаль его.

– Евгений Семенович, все хорошо. – Мне хотелось взять его за руку, но я не решалась.

– Нет, все нехорошо, – ответил он. – Варя, я сегодня уже не смогу с тобой поговорить...

«Полечить» – поняла я.

– Но завтра я приеду. Есть еще кое-что в твоей истории болезни, что надо обсудить. Все же я думаю, что прав в отношении твоих мотивов. Это все вина.

Он встал.

– До завтра, Варенька.

– До завтра, Евгений Семенович. Простите, что вызвала столь неприятные воспоминания.

Он ушел. Я спокойно, очень спокойно оделась в черный кожаный костюм, накрутила лицо, превратившись в загорелую шатенку со злыми татарскими глазами, достала парик – черное каре. Сегодня день мести.

Глава 11

В «Арт-салоне» сегодня было людно. Народ крутился в основном в зале художника Багрова. Я отметила это с огромным удовольствием. Но прошла мимо – в кабинет директора салона Михаила Ижевского.

Ему повезло, он оказался один в кабинете, когда я ворвалась туда, не потрудившись выслушать секретаршу и с треском захлопнув за собой дверь. Увидев элегантного тюленя, я буквально зарычала, бросилась вперед, запрыгнула на длинный стол для заседаний, прошла по нему в полный рост, наблюдая за переменами в лице своей жертвы, и опустилась на колени перед ним на письменном столе.

– Скотина, ты хоть знаешь, что убил мою мать?

Не дожидаясь ответа, схватила его за жидкий чуб и с размаху приложила лбом об столешницу:

– Тварь, сейчас ты сдохнешь!

И, не отпуская его волосы, наклонилась к нему и повторила, шипя как гюрза:

– Сейчас ты сдохнешь!

– Варя, мне больно! – Он не очень вырывался, хотя руки его были свободны, и я ожидала более активного сопротивления. – Варя, детка, не надо, отпусти. Я не знаю, о чем ты говоришь!

– О моей маме, Рите Садковой! Ты видел ее накануне

смерти и наговорил гадостей. Она пошла домой и...

– Варенька, Варюша! Я не видел твою маму много лет и, даже если встречал, не говорил с ней! Пойми, мы были не в тех отношениях, чтобы разговаривать! Ну отпусти, больно же!

– Значит, – я отпустила его волосы, – значит, ты подтолкнул ее к самоубийству одним своим видом!

– Нет. – Он вздохнул с облегчением и пересчитал свои жидкие волосенки и, убедившись, что все они на месте, сосредоточился на сумасшедшей посетительнице. – Нет, не подтолкнул. Я был за границей, в Бельгии, на выставке современного поп-арта. Я хорошо помню, что, когда приехал домой, Костров был в трауре.

– Не ты? – я еще не верила ему. – А кто?

Вообще-то вопрос был только риторический, но Ижевский понял его буквально.

– Кто? Да хоть кто! А почему я?

– Костров сказал, что мама встретила кого-то из партийных функционеров!

– Так не я один такой! – обрадовался Ижевский. – И слезь со стола, кто-то вдруг зайдет!

Я лишь устроилась поудобнее на прежнем месте.

– Предложи сначала правдоподобную версию.

– Та-ак, – он думал, пощипывая себя за кончик носа. – Вот! Слушай! Был еще парень, работал со мной одно время. Как раз тогда Рита написала свою «Одалиску».

«Одалиска» – это был портрет восточной женщины. Она лежала обнаженная на турецком ковре, томно улыбаясь. Натурщицей была мамина подруга, красавица Магинур. Я ее не помнила, она умерла, когда я была совсем маленькой, но на портрете Магинур была великолепна. Нет смысла воспроизводить обвинения, посыпавшиеся в адрес художницы Садковой со стороны всех этих притких молодых Ижевских!

– Со мной работал, – продолжал Михаил, – молодой совсем парень. Он тоже был художник и даже вполне способный, но карьеру сделал не на своих работах, а на умении пробиваться, топя других. Садкова представляла для него серьезную угрозу. Она явно лучше рисовала и уже имела в послужном списке одну персональную выставку. Еще немного, и стала бы членом Союза художников, поехала бы за границу, ну и всякое такое! Вот он и постарался: сообщил об этой «Одалиске» куда следует и под каким надо соусом. Раздул целое дело об аморальном облике молодого живописца. Организовал целую кампанию – нравственность в советской живописи. Сплошной праздник для ханжей. Бедная Рита!

– Но если ты соврал, то будешь тоже бедный! Берегись!

– Нет, не соврал.

– А как его зовут?

– Да он и сейчас еще что-то пишет. Я выставил в прошлом году его пейзаж, и картину купили. Конечно, ему теперь место со своей жалкой мазней в городском парке, где лубками торгуют, но он жив вполне...

– Имя!

– Вениамин Стеклов!

Я не слезла со стола, я упала с него! Не фигу себе поворотик!

– Ладно, Михаил Ильич, простите вы меня, не сдержалась.

Он усмехнулся и ответил:

– Ну, в тебе всегда было многовато экспрессии. С такой горячей кровью нелегко жить. Эмоции небось душат?

– Ну извинилась же!

– Прощаю, иди... Все-таки мама... Эй, – он спохватился, потирая ушибленный лоб, – ты глупости-то не делай!

Я обернулась от двери:

– Глупости – это мое второе имя!

И вышла, на этот раз притворив за собой дверь вполне мирным образом.

Глава 12

Через час передо мной распахнулась дверь Стекловской ночлежки. На пороге стояла Люся. Увидев меня, она открыла рот и выпучила глаза, надеясь напугать соперницу своей решимостью, но за моей спиной стояли два крепких орешка, и она живо поняла, что перевес на моей стороне.

– Что надо? – спросила она.

Я отодвинула Люсю с дороги и отступила назад.

– Ребята, заноси!

Парни подхватили драгоценный груз и двинулись в глубь комнаты. Там они поставили три ящика водки на пол и удалились. Вошедшая Люся, увидев такое богатство, потеряла дар речи. Мрачный и опухший Стеклов, лежавший до этого на сальном диване, поднялся и обалдело произнес:

– Ё-моё!

Меня тошнило от одного его вида, но пришлось изображать мецената.

– Вот, пришла помириться с тобой, – я обернулась к алкоголичке, – Люся!

– Ни... чего себе! – ответила она.

По заблестевшим глазам парочки я поняла: они могут запросто выдуть все три ящика в один присест и умереть. Стоп. Это что, беспокойство за двух взрослых людей, которые ни за кого в мире не беспокоятся?!

– Ну, наливайте, – скомандовала я.

И понеслось! Бредни лились рекой, тосты следовали один за другим. Я поджидала Люсиного полного отключения от процесса. Она все бормотала, что прощает меня, но будет за мной следить. Следила она, однако, недолго. Мерзко было то, что Стеклов расхорохорился и стал оказывать мне недвусмысленные знаки внимания. Я уже боялась нового откровенного скандала, когда милая Люсенька вырубилась буквально посередине фразы, уткнувшись испитым лицом в газетку, на которой была разложена привезенная мною же закуска. Стеклов был еще ничего, он только хорошо разогрелся, и с ним можно было вполне вести беседу.

– А скажи мне, Вениамин, – приступила я к основной части банкета, – ты знал мою маму?

– Маму? Какую маму? – поставил он на меня осоловелые свинячьи глазки.

– Мою маму, Риту Садкову!

– Рита?! Твоя мама?!

Он весь передернулся, кровь отхлынула от его щек. Мне даже показалось, что он мгновенно протрезвел. Помотав головой, Стеклов произнес со странной, никак не подходящей к его роже, интонацией в голосе:

– Боже, что это была за женщина!

– Ты хоть знаешь, что убил ее, тварь? – У меня упала планка. Гнев застил глаза клубами черного дыма. – Ты хоть знаешь, за что умрешь?

В тот момент, как и в кабинете Ижевского, я искренне верила, что убью его! Просто очень хотела этого. Но сначала он должен все понять и осознать. Какой смысл убивать алкаша без всякой аннотации?

У меня в руках уже был нож, тот, которым нарезали колбасу.

– Тебе конец, гадина! Одно можешь сделать: говори, что ты сказал моей маме такого, из-за чего она покончила с собой!

Я схватила Стеклова за грудки. Он был таким слабым, дряблым и безвольным, что приходилось снова повторять самой себе перечень его грехов. Чтобы быть в тонусе в решительный момент, я приподняла его над ободренным сиденьем стула и хорошенько встряхнула. Потом, вложив всю накопленную злость, влупила коленом в промежность и швырнула скрючившегося мужика на пол. Он упал с грохотом и стоном, я стояла над ним, мечтая, чтобы он матюкнулся и дал повод врезать по ребрам с ноги. Но Стеклов только сипел и перекатывался с боку на бок, сбивая пламя моей ненависти. А мой тренер всегда говорил, что главное – это напор!

– Говори, тварь, говори, и поскорее, чтобы я не успела тебя убить до того, как все узнаю!

– Я видел ее, видел! – бормотал Стеклов. – Господи, как больно! Варя, я не знал, что она твоя мама! Варя, я бы ничего ей не сказал тогда, я был сильно пьян. Но все помню! Все!

Он немного успокоился, а я села напротив, держа нож на-

готовые.

– Пойми, Варя, я не лгу! Я влюбился в нее много лет тому назад, когда мы вместе только начинали. Знаешь, какая она была красивая?

– Кто? – это проснулась Люся.

– Мэрилин Монро! – ответила я.

– А-а-а... – протянула она, снова засыпая.

– Продолжай, – велела я Стеклову.

– Варя, она была прекрасной и талантливой! А я? Я был ей неинтересен. Она не замечала меня! Вокруг такие парни, такие молодцы! Я же килька натуральная, не больше! Потом я продвинулся и по партийной линии пошел. Она меня все игнорировала, смеялась. Я сказал: будешь со мной, дам рекомендацию в Союз художников! Она – нет! Я завалил ее. Она сама подставилась! Намалевала эту свою бабу на паласе, ну кто такое пропустит? Это же не доярка и не механизатор, которых я рисовал. Я испортил ей жизнь. Потом, когда она срезалась, стала сидеть в этом дурацком музее за гроши, я раскаялся! Я приехал к ней, просил, умолял, на коленях ползал! Она – ни в какую! И еще раз я приехал, и еще, и еще! Но все было бесполезно. Я перестал ездить. Запрещал себе маялся. Потом немного успокоился.

– А перед смертью видел?

– Да. Видел. Но я ничего ей не говорил плохого. Наоборот, мы встретились, она шла от своего доктора, цветущая, прекрасная, как никогда, и у меня снова вся любовь воскресла!

Все чувства, все! Она же сказала, что счастлива впервые за много лет, что живет полной жизнью и мечтает о будущем. Я как-то даже обрадовался за нее, вроде мне это ни к чему, но она была такая прекрасная!

Я не верила своим глазам. Стеклов преобразился, он стал таким, каким он был, наверное, много лет назад: милым, в сущности, парнем, только испорченным временем и своими амбициями. Даже лицо его, казалось бы, разгладилось, стало моложе, лучше. Верить ему или не верить?

– Смотри, Варя, я же портрет ее написал после той встречи! Пришел домой и стал работать. Два года не работал в полную силу. А тут стал к мольберту и без единого наброска сделал портрет! Смотри, смотри, где же он? Ага!

Он рылся среди полотен, составленных у стены, переставлял их, говорил что-то самому себе. Наконец у него в руках появился небольшой оправленный холст. Стеклов полюбовался на него пару секунд, и лицо у него стало такое, будто он смотрит на «Джоконду». Потом развернул картину лицом ко мне.

Это была мама. Мама такая, какой я ее помню, и такая, какой не знала никогда. Действительно, после моего отъезда она пережила потрясающее время.

– Ты помнишь ее такой? Она именно так выглядела, когда вы расстались?

– Да! – он улыбался нежной улыбкой несостоявшегося любовника. – Да! И это потрясло меня. Ладно. – Стеклов по-

ставил холст на пол. Подумал, глянул в сторону храпящей Люси и развернул его лицом к стене. – Давай выпьем!

Мне уже было всего предостаточно. Гнев отхлынул, осталось опустошение. Это был тупик. Я встала и молча вышла вон.

Глава 13

Даже не помню, как добиралась до дому, как стояла под душем, скуля, будто потерявшийся щенок. Как упала в мокром халате на кровать в белом тупичке спальни. Мечтала только поскорее уснуть, желательно на ближайшие двадцать лет.

Проснувшись, поняла, что в квартире не одна. Звуки доносились из комнаты для гостей, единственного помещения в квартире, снабженного нормальной дверью. Конечно, расстояния в белом лабиринте приличные, и нашу с Тимуром спальню от остальных помещений отделяет некоторое количество коридорчиков, но я все же услышала не типичные, посторонние звуки.

Папа! И у него гости. И среди гостей женщина. Нехорошо крысачить, но я, по дороге на кухню, откровенно грела уши. Женщина была у него точно, а вот кто, кроме нее, – непонятно. Или нет никого? Точно, они вдвоем. У папы любовница?

Мне стало немного нехорошо от своего любопытства: интимная жизнь родителей для меня – табу! Я и так многовато развела о маме, папина личная жизнь мне в перегрузку будет. Попав на кухню, я теперь стеснялась возвращаться в спальню мимо папиной комнаты. Вдруг услышу что-нибудь совсем уж интимное или, еще того хуже, столкнусь с ним или его пассией. Между тем кухня вызывала у меня неприятные

ассоциации. Два из трех случаев покушения на мою персону произошли именно здесь. И именно вечером. Как сейчас! И похожие шорохи в квартире!

Вообще-то у меня было странное отношение к тем трем событиям. Смысл происходящего как бы не доходил до моего сознания. Я говорила психиатру и милиционеру о случившемся, но сама не задумывалась над этим по-настоящему. Понятно, это глупо! Пора бы уже испугаться, но мне в глубине души казалось, что это не серьезно. Зачем меня убивать? Я – ноль, что бы папа ни говорил по этому поводу. Пустое место! Я мешаю только Тимуру, но он мог бы убить меня давно, если такое вообще можно предположить.

И я не верю, что Багров попытался бы отравить меня газом или таблетками. То же и с поджогом. Не верю – и все! Он мог бы убить меня в припадке злобы: задушить, пырнуть ножом, пусть даже скинуть с шестого этажа, но только после разборок, скандала, упреков, придя в бешенство, озверев от моих рассказов об очередном грязном трахе с кем-нибудь, кого он увидит завтра же.

Еще я видела нападавшего. Он был ниже ростом, чем Багров, уже в плечах. А неясные шорохи в квартире? Я услышала их уже после того, как хлопнула за Тимуром входная дверь. Подумав об этом еще немного и не придя ни к каким выводам, пошла в спальню мимо папиной двери. В комнате для гостей было тихо.

Но где же Тимур?

На следующий день папа вышел на кухню только около часа дня. Он улыбнулся мне рассеянно, сварил кофе, молча выпил его и ушел по делам. Потом позвонил Витус.

– Это Варя? – спросил он нерешительно.

– Да.

– Ты уже Тимуру рассказала? – спросил он конспиративным тоном.

– Да.

– Зачем?

– Не твое дело!

– Ладно, где Тимур?

– Не знаю.

– Вы из-за меня поссорились?

– Много на себя берешь.

Он помолчал, но потом снова спросил:

– Почему ты со мной так грубо разговариваешь?

В его голосе звучало простое детское недоумение, и мне стало так стыдно за свой хамский тон, что я ответила ему, как могла, мягко:

– Витя, ты ни при чем! Это мои заморочки. Оставь их мне.

Пусть тебе Тимур объяснит, как он понимает, – вы же друзья!

– Варя, мы еще встретимся?

– Нет. Зачем?

– Это тяжело объяснять по телефону, но ведь между нами все было просто классно. Прости, но мне показалось, что я

тебе понравился. А я просто не могу забыть твое тело!

Что там такого особенного в моем теле? Если бы Кирин не нравился мне так, то я бы подумала, что это грубая и дешевая лесть. Но зачем ему льстить мне? Побоявшись обидеть Витуса, я ответила:

– Дорогой, поверь моему опыту потасканной шлюхи, ты просто супер!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.